ДЕВЯТАЯ МИНУТА

18+

Владимир Брилев

Девятая минута

«Автор»
2026

Брилев В.

Девятая минута / В. Брилев — «Автор», 2026

Королеву Мирелллу возвращают через сто тринадцать лет после смерти, чтобы узнать, кто из её потомков вправе претендовать на престол. За девять минут разговора с ней живой человек отдаёт девять лет своей жизни. Первые восемь минут Мирелла не может сознательно лгать. На девятой она указывает на семилетнего сына королевского следователя Владена Бейлена.«Он убил меня во второй раз».В тот день Бодан вытащил друга из затопленной башни. Теперь от каждого его слова зависит, кем его сочтут взрослые: мальчиком, который спас чужую жизнь, или убийцей королевы.Владен знает, как легко правдивые слова мёртвого превращаются в ложный приговор. Одиннадцать лет назад он сам уничтожил запись девятой минуты и добился казни человека, о невиновности которого знал. Чтобы защитить сына, ему придётся рассказать, что он сделал тогда. И однажды объяснить это самому Бодану.

© Брилев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. После удара 5
Глава 2. Пока не остыло 14
Глава 3. Королева, которую убили дважды 19
Глава 4. До полудня 27
Глава 5. Под поручительство 33
Глава 6. Нижний затвор 38
Глава 7. Право быть первым 43
Глава 8. То, что можно показать 48
Глава 9. След на кости 52
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Владимир Брилев
Девятая минута

Глава 1. После удара

Купца Эрдаля вернули из мёртвых накануне вечером. Девять минут разговора стоили девяти лет чужой жизни. К утру в следственном управлении уже называли убийцу.

Королевский следователь Владен Бейлен получил протокол, показания и заключение с оставленным для его подписи местом. При возвращении он не присутствовал. Начал читать с конца, вернулся к первому вопросу и придвинул лист к окну. На сгибе расплылась капля воска, закрыв последнее слово.

— Здесь что было? — спросил он.

Пристав Керст отставил нетронутую чашку.

— Где?

Владен развернул лист.

— «Кто нанёс вам…» Что?

— Удар. Писец торопился. Копия будет к полудню.

За окном служитель выбивал ковёр о перила. От каждого хлопка с подоконника осыпалась известь. В приёмной кашляли; кто-то уже третий раз требовал вернуть залоговую расписку. Владен закрыл окно, прижав перекошенную раму плечом, и сел.

«Кто нанёс вам удар?»

«Тарвен. Мой возчик».

Ниже, в заключении пристава, было написано: «Возвращённый опознал своего убийцу».

Первые восемь минут возвращённый не мог сознательно солгать. Владен положил заключение рядом с протоколом: в одном листе стояло «убийца», в другом — «удар». Керст проследил за его пальцем.

— Он назвал того, кто его ударил, — сказал пристав. — После удара умер.

— Насколько позже?

— Лекарь не определил точно.

— Другие вопросы об обстоятельствах смерти задавали?

— Всё там.

Владен прочитал дальше. Купец Эрдаль успел сообщить о долге младшего брата, о серебре за печью и о второй книге счетов. Показания заняли два листа. Упоминаний Тарвена больше не было. И спросить Эрдаля ещё раз было нельзя: одного умершего возвращали только однажды.

— А девятая минута?

— Вдова перед алтарём. Как подписывала согласие. Потом разговор с хранителем, ещё раньше — с дочерью. Про удар ничего.

Владен проверил последний лист. Керст передал содержание верно.

— Возвращение оплатили родственники?

— Вдова. Она же отдала годы.

Владен поднял глаза.

— Сколько ей?

— Теперь сорок шесть.

Керст подвинул к нему ещё одну бумагу.

— У меня признание, два свидетеля ссоры и кровь покойного на рукаве. Возчик не отрицает. Я послал за вами из-за возвращения. Без подписи следователя палата не примет заключение.

На краю стола лежало распоряжение: материалы следовало передать к полудню. Внизу начальник управления приписал своей крупной рукой: «Либо изложить причины задержки».

— Где Тарвен?

— Внизу. Хотите поговорить?

Владен взял протокол.

— Начнём с него.

В караульной пахло сушившимися портянками. Двое стражников завтракали у печи. Когда Владен вошёл, один торопливо накрыл ладонью деньги, разложенные рядом с миской. Следователь видел их; сегодня у него не было времени выяснять, что они делили.

Тарвен сидел за решёткой на лавке, вытянув ноги. Крупный мужчина с густой седой щетиной. На левой скуле темнел кровоподтёк, верхняя губа лопнула. Он смотрел на Владена снизу вверх, не пытаясь встать.

— Следователь Бейлен. Мне нужны подробности вашей ссоры с Эрдалем.

— Я рассказал.

— Расскажите ещё раз.

Тарвен перевёл взгляд на пристава, стоявшего у двери.

— Жалованье за три месяца. Он вычел за сломанную ось. Потом за лошадь, которую сам велел гнать больной. Я сказал, что уйду. Он сказал, что с долгом не уйду.

— Ударили первым?

— Он дал мне по лицу.

— А вы?

— А я дал ему.

На руках у возчика набухли суставы. Между костяшками правой ещё оставалась тёмная корка. Владен присел на край соседней лавки.

— Чем?

— Кулаком. Нож я уже отдал приказчику. Когда рассчитываться пришёл.

— Эрдаль упал?

— На колени. Потом боком. Я наклонился, хотел поднять, он мне плюнул в рукав.

— Говорил что-нибудь?

— Велел убираться.

Керст шумно выдохнул. Владен не обернулся.

— Это вы сообщили приставу?

— Сообщил. Он сказал, что люди перед смертью тоже разговаривают.

— Верно, — произнёс Владен. — Сами по себе эти слова ничего не доказывают. Куда вы ушли?

Тарвен назвал кабак у Южных ворот. Пристав кивнул: проверено. Возчик пришёл туда до закрытия ворот, пил, ругался на хозяина, заснул за столом. Его нашли на рассвете.

— Вы видели Эрдаля после ссоры?

— Нет.

— Из кабака выходили?

Тарвен посмотрел на него без выражения.

— Мочиться.

— Кто-нибудь был с вами?

— Мне помощь не нужна.

На этом его терпение закончилось. Он отвернулся к стене и перестал отвечать.

Владен поднялся. За решёткой возчик потянул за нитку, выбившуюся из шва рукава. Натянул, оборвал зубами. На ткани возле локтя виднелось широкое бурое пятно.

В коридоре Керст заговорил первым:

— Он понимал, куда бьёт. Даже если купец умер не сразу, это ничего не меняет.

— Может быть. Кто видел его после ухода возчика?

— Живым — никто. Мёртвого нашёл конюх. Лойт. Его ещё не отпустили.

— С какого времени?

— Со вчерашнего утра. Сначала ждали возвращения, теперь вашу подпись.

— Его на ночь тоже посадили?

Керст указал на дверь наверху.

— Спал в комнате свидетелей. Дверь не запирали.

У двери стоял караульный.

Владен прошёл мимо него и вошёл без стука.

Лойт пытался заснуть, положив голову на предплечья. При звуке шагов он выпрямился так резко, что задел коленом стол. Перед ним стояла пустая кружка. На щеке отпечатался шов рубахи.

— Сиди, — сказал Владен.

Парень остался стоять.

Ему было восемнадцать, по записи — почти девятнадцать. Во дворе купца он служил с двенадцати лет. Владен видел подпись под показаниями: четыре неровные буквы, последняя прижата к кляксе. Подпись стояла слишком далеко от текста; между ней и последней строкой поместилось бы ещё несколько предложений.

Следователь придвинул кружку к приставу.

— Воды. И пусть принесут поесть.

Керст вышел не сразу.

Когда дверь закрылась, Лойт наконец сел. Он смотрел на печать, висевшую у Владена на груди, и старательно держал руки на виду.

— Ты нашёл хозяина во дворе?

— Под навесом.

— Покажи на плане.

К показаниям приложили рисунок усадьбы. Лойт ткнул пальцем в угол, где сближались стены конюшни и счётной комнаты.

— Головой сюда. Ногами к воротам.

— Что ты сделал?

— Позвал господина Севра. Приказчика.

— Сразу?

— Сразу.

Владен положил рядом перечень вещей, обнаруженных при покойном.

— Ключи. Бумажник. Печатка. Всё это ты видел?

Лойт пробежал взглядом по списку, хотя едва ли успел его прочесть.

— Не смотрел.

— Рядом что-нибудь лежало?

— Не помню.

Керст вернулся с водой и куском хлеба. Лойт отломил корку, но есть не стал.

В перечне вещей упоминалась медная пуговица, найденная в грязи возле тела, и обломок щепы под правой ладонью. Владен перевернул лист. Второй страницы не было.

— Он был без верхней одежды? — спросил он у пристава.

— В камзоле. Плащ в счётной комнате.

— Откуда известно?

— Приказчик показал.

Владен вернулся к записи о ссоре. Оба свидетеля, работники склада, видели на Эрдале плащ. Один даже запомнил, как возчик схватил его за застёжку.

— Кто снял с него плащ?

Керст задумался.

— Мог сам.

— Мог. А мог кто-нибудь другой. Проверили?

— В вещи никто не вмешивался. Приказчик говорит, только убедился, что хозяин мёртв.

Лойт сжал хлеб. От корки отвалился кусочек и упал на колено. Парень торопливо стряхнул его.

Владен заметил движение, но вопрос задавать не стал.

— Поедем во двор, — сказал он Керсту. — Вместе со свидетелем.

* * *

Усадьба Эрдаля находилась у старой весовой. От ворот тянуло кислым зерном. На улице теснились подводы: после смерти хозяина склад запечатали, а груз продолжали привозить.

Приказчик Север ожидал их под навесом. Невысокий мужчина в хороших сапогах, заляпанных до колен. Он заговорил ещё до того, как Владен слез с лошади.

— Господин следователь, у меня шестеро людей сидят без дела. Мука отсыревает. Если вы не снимете печать, хозяева товара потребуют возмещения.

— Покажите место.

Север сжал рот и повёл их через двор.

Лойт шёл последним. Караульный придерживал его за локоть, хотя парень никуда не пытался свернуть. Владен жестом велел отпустить.

Под навесом пахло мокрой древесиной. На кирпичах ещё темнели пятна, но определить по ним положение тела Владен бы не взялся: здесь уже ходили, а с крыши текло. Он попросил Лойта показать всё заново.

Парень остановился у счётной комнаты.

— Вот здесь.

— Ты вошёл от конюшни?

— Да.

— Когда?

— После закрытия ворот.

— Откуда знаешь?

— Слышал колокол.

Владен посмотрел на стену над его плечом. Изнутри счётной комнаты на оконный гвоздь набросили свёрнутую верёвку. Под окном стоял ящик с деревянными счётными бирками. Верхние намокли от дождя.

— Покажите плащ.

Север открыл дверь. В комнате было холодно; в жаровне сохранился белый пепел. На столе лежала книга, придавленная медным грузом. Плащ висел на спинке кресла, аккуратно сложенный подкладкой внутрь.

Владен не тронул его.

— Кто так повесил?

— Хозяин, надо полагать.

— Вы не видели?

— Нет.

На воротнике не хватало застёжки. Два оборванных конца шнура торчали из петель. Внутри, возле плеча, бурело пятно; ткань слиплась.

— После ссоры он заходил сюда?

Север пожал плечами.

— Если оставил плащ.

— Или его принесли. Где вы были?

— С госпожой Эрдаль. Просил её поговорить с мужем. Он за последнее время многих рассчитал. Не хотел, чтобы и остальные ушли.

Это было записано в деле. Вдова подтвердила: приказчик провёл с ней около четверти часа, затем ушёл проверять склад. Позднее его позвал Лойт.

Ничего невозможного в рассказе не было. Плащ могли снять с живого человека, с умирающего или с мёртвого. Владен осмотрел пол возле кресла, порог и ручку двери. На бронзе виднелись тёмные следы. Он велел Керсту занести их в дополнение к осмотру и запретить мыть комнату.

— Вы что-то нашли? — спросил Север.

— То, что нужно описать.

— Я думал, хозяин сам всё сказал.

Владен обернулся.

— При возвращении вас не было.

— Госпожа рассказала.

— Что именно?

— Что это Тарвен.

Снаружи лошадь ударила копытом о стойку. Лойт вздрогнул и отступил с порога.

Владен вышел к нему.

— Ты снимал плащ?

— Нет.

— Помогал хозяину зайти в комнату?

Лойт молчал.

Приказчик появился в дверях. Парень немедленно опустил глаза.

— Господин Север, принесите расчётную книгу прислуги, — сказал Владен. — И записи о выдаче жалованья.

— Они на складе.

— Значит, со склада.

Север ушёл. Владен дождался, пока за ним закроется дверь в дальнем конце двора, и повёл Лойта к конюшне.

У кормушки висела новая сбруя. На стене возле входа кто-то нацарапал ножом женское имя и потом старательно его соскоблил. В щели между досками лежали две гороховые соломинки. Мальчик, должно быть, спал здесь зимой: над ящиком для овса сохранилась полка с глиняной кружкой и сложенным одеялом.

— Что ты боишься потерять? — спросил Владен.

Лойт посмотрел на полку.

Следователь дал ему время. Потом сказал:

— Сейчас твой ответ может решить, останется ли Тарвен под обвинением в убийстве. Если ты видел хозяина живым позже, нужно сказать.

— А со мной что будет?

— Ты свидетель. Расскажешь и пойдёшь домой.

Парень провёл пальцем по трещине в дверном косяке.

— Правда?

— Да.

Лойт повернулся к нему всем телом.

— Он сам снял плащ. Я помог только рукав. Он ругался, что кровь на подкладке, а потом велел принести воды.

Владен удержался от следующего вопроса. Керст подошёл ближе, но следователь показал ему остановиться.

— Продолжай.

— Я принёс. Он сидел. Потом сказал, чтобы я шёл за лекарем, только тихо, госпожу не пугал. Дал ключ от калитки.

— Ты сходил?

Парень покачал головой.

— Почему?

— Не сразу.

Владен ждал.

Из двора доносились голоса возчиков. Кто-то считал мешки. Лойт прислушался, словно надеялся, что его сейчас позовут и разговор закончится.

— У него ящик был открыт, — произнёс он. — Под столом. Он голову опустил, держался за неё. А там деньги.

— Ты взял?

— Четыре серебряных.

Керст отвернулся.

— Где они?

— В соломе. Там, за кормушкой.

Владен посмотрел на то место. Одну доску недавно отодвинули: светлая полоса выделялась на грязном дереве.

— Когда ты прятал деньги, хозяин ещё оставался в комнате?

— Не знаю. Я думал — да.

— А потом?

— Услышал колокол. Лекарь за стеной живёт. Я понял, что ворота уже закрыли, а денег для караула хозяин мне не дал. Побежал обратно, спросить, что делать. Он уже лежал снаружи.

— Почему ты не сказал этого вчера?

Лойт поднял на него глаза.

Владен понял, что вопрос был лишним.

Он велел Керсту принести чистую бумагу и записал рассказ сам. Не подсказывал времени. Не заменял «думал» на «знал». Когда дошли до денег, Лойт замолчал, глядя на перо.

— Это тоже? — спросил он.

— Да.

— Но я вернул бы. Когда меня рассчитают.

Владен дописал его слова.

Четыре монеты нашли там, где указал парень. Завернуты в тряпицу, отдельно от вещей. Одна с надрезом на ребре. Керст пересчитал их, выложил на доску и записал приметы.

Керст потянулся за наручниками.

— Подожди, — сказал Владен. — Он сам показал.

Пристав убрал руку, но остался возле Лойта.

Владен снова опросил приказчика, велел разыскать лекаря, к которому посылали конюха, и оставил стражника у счётной комнаты. Возвращение больше не могло помочь: второй раз Эрдаля не вернули бы ни за какие деньги.

Когда они выходили со двора, Лойт направился к конюшне.

Керст взял его за плечо.

— С нами.

— Зачем?

— Оформить показания. И деньги.

Лойт посмотрел на Владена.

— Вы сказали, домой.

Следователь остановился.

— Ты не всё рассказал тогда, — начал Владен.

Лойт смотрел на него, ожидая продолжения. Керст держал парня за плечо; за его спиной конюший работник уже закрывал дверь.

— Нет, — сказал Владен. — Я не так…

Он убрал протокол в сумку.

— Ты вернёшься в управление, — сказал Владен. — Я подам ходатайство, чтобы тебя отпустили под поручительство.

— А сейчас?

— Сейчас со мной.

Лойт больше ни о чём не спросил.

* * *

Вдова ждала у ворот управления.

На ней был плащ с меховым воротником, слишком широкий в плечах. Владен видел госпожу Эрдаль раньше, на ярмарочном освящении весов. Тогда она держалась прямо и говорила за мужа, пока тот кашлял в платок. Теперь стояла, опираясь на руку взрослой дочери. У висков поседели пряди; лицо осталось знакомым, но щёки опустились, а вокруг рта появились глубокие складки.

Она смотрела на Лойта.

— Почему его привезли?

Керст отвёл парня внутрь. Владен остался.

— Нужно уточнить обстоятельства. Я пока не подпишу заключение.

— Муж назвал Тарвена.

— Он сказал, что Тарвен его ударил. Это подтверждено. Теперь есть сведения, что после этого ваш муж заходил в счётную комнату и разговаривал.

Женщина слушала, не перебивая.

— Нужно проверить, что происходило дальше, — закончил Владен.

— Он умер от удара. Не сразу. Такое бывает.

— Бывает. Я не исключаю этого.

— Тогда чего вы ждёте?

Дочь осторожно потянула её за рукав, но госпожа Эрдаль высвободила руку.

— Я сидела рядом, когда он исчезал. Он мне сказал, кто это сделал. Вы хотите, чтобы я опять…

Она осеклась и прижала ладонь к вороту.

— Второго возвращения не будет, — сказал Владен.

— Я знаю.

Он промолчал. За спиной открыли ворота, и караульный попросил их посторониться: из двора выводили арестантов на работы.

Женщина отступила, машинально прижимая к себе плащ. Дочь застегнула ей верхнюю пуговицу.

— Когда вы скажете мне хоть что-нибудь? — спросила вдова.

— Завтра после полудня сообщу, что удалось проверить. Даже если ответа ещё не будет.

Она кивнула. Дочь повела её к повозке.

Владен смотрел им вслед, пока не заметил, что задерживает движение у ворот. Тогда вошёл.

* * *

Начальник управления вернул ему заключение, не дочитав последнего листа.

— Новые показания — основание проверить. Не основание отпустить возчика.

— Я не прошу отпускать возчика.

— А конюха?

— Прошу передать мне на поручительство до решения по краже.

Начальник отодвинул бумаги и снял очки. За его спиной на полке стояли три тома распоряжений временного правления. Четвёртый не помещался и лежал поперёк. Владен вспомнил, что обещал Аннэре узнать, когда опубликуют поправки к порядку допуска в королевский архив.

— Ты понимаешь, что парень мог оговорить себя в мелкой краже, чтобы объяснить четыре монеты и увести разговор от убийства? — спросил начальник.

— Понимаю.

— Или возчик заплатил ему за новые показания.

— Проверим, общались ли они после задержания.

— А пока ты хочешь поселить его у себя?

— Могу договориться с мастером, которому нужен работник. Я отвечу за явку.

Начальник покачал головой.

— Сначала проверка. Дежурный судья рассмотрит ходатайство завтра утром. Сегодня из управления он не выйдет.

Владен положил ладони на край стола.

— Он пришёл как свидетель.

— И сообщил о краже. Ты сам записал.

В соседней комнате секретарь закашлялся и закрыл дверь. Начальник подождал, пока стихнут шаги.

— Ты ему что-то пообещал?

Владен не ответил сразу.

— Сказал, что после показаний пойдёт домой.

Начальник снова надел очки.

— До того, как узнал про деньги?

— Да.

— Хотел, чтобы заговорил.

Владен кивнул.

Начальник придвинул чистый лист.

— Укажи это в дополнении. Обстоятельства получения показаний. Дословно, насколько помнишь.

— Я же не знал про кражу.

Начальник оставил чистый лист между ними.

— Это тоже укажи.

Владен взял перо.

После первой строки чернила перестали идти. Владен обмакнул перо глубже и продолжил.

* * *

Свет на лестнице уже погасили, когда он вернулся в комнату свидетелей. Лойт сидел на прежнем месте. Перед ним стояла миска с остывшей похлёбкой. Парень поднял голову, но ничего не спросил.

Владен поставил на стол лампу.

— До утра придётся остаться. Завтра я буду у судьи.

Лойт посмотрел на дверь.

— Опять не запрут?

— Нет.

— А уйти можно?

— Нет.

Парень кивнул, будто именно это и хотел выяснить.

Владен сел напротив.

— Я не должен был обещать, что тебя сразу отпустят. У меня не было права решать это за судью.

Лойт водил ложкой по краю миски. На дне что-то скребло.

— Мне надо было промолчать про деньги?

— Нет.

— Тогда про хозяина.

— Тоже нет.

Парень поднял на него глаза.

— Так что мне надо было?

Владен не нашёл ответа, который сейчас помог бы. Он спросил, есть ли кому передать, где Лойт проведёт ночь. Тот покачал головой.

— Одеяло принесут, — сказал следователь. — Я распоряжусь.

Он дождался одеяла и убедился, что караульный понял: парень остаётся здесь, в нижние камеры его переводить не следует. На стол положили свежую свечу. Лойт отвернулся к окну, и Владен вышел.

На своей двери он обнаружил сложенную записку. Её просунули под табличку с именем. Аннэра писала быстро, буквы соединялись там, где обычно стояли отдельно.

«Мы поужинали. Бодан ждёт тебя с лодкой. Не обещай доделать сегодня, если приедешь поздно. Утром тоже можно».

Владен прочитал записку, убрал в карман и вернулся к столу за ходатайством. Поля почти закончились. Он перевернул лист и указал себя поручителем, затем перечислил имущество, которым отвечал за явку Лойта. Дом принадлежал им с Аннэрой вместе; распоряжаться её долей он не мог. Вписал собственное жалованье за три месяца.

Аннэра договорилась с кровельщиком на четверг. Владен перечитал сумму и всё-таки подписал.

Он посыпал подпись песком, стряхнул излишек и отнёс документ дежурному секретарю. Тот записал время получения и выдал отметку.

У выхода Владен остановился перед доской судебных объявлений. Новое распоряжение Совета требовало от хранителей семейных архивов предъявлять документы о происхождении лиц, заявлявших права на престол. Срок — десять дней. Аннэра, должно быть, уже знала. Поэтому и просила о порядке допуска.

Он поправил ворот, вышел под мелкий дождь и пошёл домой пешком. Лошадь осталась в управлении: утром всё равно возвращаться раньше остальных.

За мостом продавали горячие каштаны. Владен купил маленький свёрток. Бодан любил выбирать самые крупные и сердился, когда внутри оказывалось пусто.

До дома было недалеко, но Владен прибавил шагу. Лодку сегодня он уже не успеет доделать. Можно хотя бы посмотреть, что сын сделал сам.

Глава 2. Пока не остыло

В кухне горела одна лампа. Бодан сидел перед миской каштанов в отцовском халате и раскладывал скорлупу на две кучки. Рукава Аннэра подвернула ему четырежды; один уже сполз. Бодан зажимал его локтем, чтобы не уронить в миску.

— Ты должен спать, — сказал Владен.

— Я спал.

Аннэра, стоявшая у печи, обернулась.

— На лестнице. Пока ждал тебя. Теперь уверяет, что на сегодня достаточно.

Владен повесил мокрый плащ на спинку свободного стула. Жена посмотрела на капли, падавшие на пол.

Он переставил стул к очагу.

— И сапоги, — сказала она.

— Я ещё не успел.

— Четырнадцать лет не успеваешь.

Бодан хихикнул. Владен сел на скамью и стянул сапоги. Носок на правой пятке оказался мокрым. Он прикрыл дырку ладонью, но сын уже заметил.

— У тебя опять.

— У меня служба.

— У меня тоже была бы дырка, если бы я так ходил.

Аннэра поставила перед мужем тарелку. В подливе застыл жир; она подвинула тарелку ближе к жару, а сама села напротив. На её указательном пальце темнело чернильное пятно. Другим пальцем она пробовала оттереть его, пока Владен ел.

— Лодка где? — спросил он.

Бодан немедленно слез со стула.

— Только принести, — сказала Аннэра. — Воду больше не наливаем.

— Я маленько.

— Ты уже маленько наливал. Служанка сушила потолок внизу.

— Это было вчера.

Он исчез в коридоре. Владен доел несколько ложек, прежде чем заметил, что Аннэра больше не трёт палец.

— Что?

— Ты сказал, что будешь до ужина.

— Знаю.

— Он весь вечер спрашивал, можно ли уже разогревать.

Владен положил ложку. Из коридора донёсся удар, затем торопливое:

— Ничего!

Аннэра закрыла глаза.

— Завтра я сам заберу его после уроков, — сказал Владен.

— Завтра тебя не будет.

Он посмотрел на неё.

Жена указала на край стола, где под солонкой лежал плотный конверт. Владен раньше не заметил его. На тёмном воске отпечатался венец, под ним — небольшой знак церковного хранителя.

— Привезли после восьмого колокола. Твой начальник велел искать тебя здесь.

— Ты открывала?

— Нет. Мне хватило служителя, который трижды спросил, точно ли ты придёшь домой.

Владен надломил печать.

Бодан вернулся, прижимая к груди дощечку с приколоченными бортами. Один борт сидел выше другого. В середине торчал короткий гвоздь — мачта, для которой мальчик так и не нашёл подходящей палки.

— Тут надо держать, — сказал он и положил лодку на стол поверх конверта.

Владен осторожно вытащил бумагу.

К утреннему возвращению Мирелы Первой его назначали следователем, удостоверяющим свидетельство об обстоятельствах смерти. Явиться следовало за час до начала. Подпись начальника была свежей: внизу остался мазок от поспешно сложенного листа.

— Мирелла, — произнёс он.

Аннэра выпрямилась.

— Завтра?

— В девять.

— Вчера ещё не было даты.

— Ты проверяла?

Она посмотрела на лодку. Бодан с усилием прижимал кривой борт, ожидая, когда отец возьмёт гвоздь.

— Я веду наследственное дело. Ты знаешь.

— Знаю, что ведёшь. Какое — не знаю.

— И сегодня не узнаешь.

Это прозвучало резче, чем требовалось. Аннэра потянулась за пустой тарелкой, но Владен удержал её за запястье.

— Я не просил назвать клиента.

Она освободила руку. Поставила тарелку возле печи.

Бодан перестал держать борт. Доска распрямилась с сухим щелчком.

— Вы ругаетесь?

— Нет, — сказал Владен.

— Немного, — сказала Аннэра одновременно с ним.

Мальчик посмотрел сначала на одного, потом на другую.

Владен опустил письмо.

— Дай сюда. Только гвоздь короче нужен.

— Другого нет.

— Тогда сделаем другой.

Он сходил к ящику с инструментами. Когда вернулся, Аннэра уже убрала письмо подальше от стола. Бодан держал лодку обеими руками, высунув кончик языка. Владен зажал гвоздь клещами и откусил конец. Сын нагнулся посмотреть.

— Не трогай. Острый.

— Я знаю.

— Тогда отодвинь палец.

Молоток стукнул слишком громко для спящего дома. Аннэра подложила под лодку сложенное полотенце. Владен удерживал борт, Бодан забивал. После третьего удара гвоздь согнулся.

Мальчик нахмурился.

— Это ты плохо держишь.

Владен хотел возразить, но посмотрел на красные, ещё припухшие костяшки сына. Ладонь тот берёг уже пятый день. Прятал её под столом, когда взрослые начинали спрашивать про башню, и сердился, если ему помогали надевать рукавицу.

— Давай я подержу иначе, — сказал Владен.

Они поправили гвоздь. Теперь получилось.

— Ренн говорит, надо снизу смолой.

— Ренн прав.

— А он сможет к нам?

Аннэра вытерла стол там, где стояла мокрая лодка.

— Я спрошу у его мамы.

— Ты уже спрашивала.

— Спрошу ещё.

Бодан провёл ногтем по краю борта.

— Он на меня сердится?

— Почему ты так думаешь? — спросил Владен.

— Не приходит.

Отец поставил молоток. В первый вечер после башни он крепко держал сына на коленях и почти не выпускал из рук. На второй рассердился: кто разрешил ходить к нижним лестницам? На третий Бодан начал отвечать, что ничего не помнит. Теперь Владен не знал, чего в этом было больше — страха перед водой или желания наконец избавиться от вопросов.

— Ренн заболел после купания, — сказал он. — Ты тоже кашлял.

— Я уже нет.

— Слышал.

— Значит, я могу к нему.

Аннэра забрала лодку и поставила на полку, куда Бодан сам не доставал.

— Сегодня ты можешь дойти до кровати. Завтра поговорим о Ренне.

Мальчик раскрыл рот, но она уже протянула ему руку. Он пошёл, волоча по полу пояс отцовского халата.

У двери остановился.

— Пап, королева тоже из воды?

— Нет. Почему?

— Вы сказали — вернётся.

Владен встал.

— Она давно умерла. Завтра с ней будут говорить.

Бодан переваривал услышанное.

— А потом?

— Потом разговор закончится.

— И она пойдёт домой?

Аннэра ждала у лестницы. Владен видел, что она не собирается отвечать за него.

— Нет, — сказал он. — Не пойдёт.

Мальчик опустил взгляд на пояс.

— Тогда зачем ей приходить?

Владен подошёл и поднял сына на руки. Тот был уже тяжёлым; пришлось подхватить под колени.

— Людям нужно её спросить.

Бодан ухватился за его плечо, подтянул волочившийся пояс.

— Она потом опять умрёт?

Владен остановился у первой ступени.

— Да.

Мальчик посмотрел на мать. Потом спрятал лицо у отца под подбородком.

— Я туда не хочу.

— Ты будешь дома.

На лестнице было темно. Владен понёс его наверх, подхватив пояс халата свободной рукой.

* * *

Когда он вернулся, Аннэра сидела у кухонного стола с письмом перед собой. Конверт оставался открытым.

— Ты мог бы попросить другого следователя, — сказала она.

— На завтра?

— Именно на завтра.

Он сел. Достал из кармана оставшиеся каштаны и высыпал в миску. Сырой бумажный свёрток развалился у него в руках.

— Что тебя беспокоит?

— Назначение. Такие вещи готовят неделями. Следователя должны были уведомить раньше.

— Могли заменить заболевшего.

— Могли.

Она подвинула письмо. В приложении стояли три имени: церковный хранитель Ровен, распорядитель расходов Сивар Реннек, представительница Великого Совета. Напротив фамилии Владена другой рукой вписали номер служебного допуска.

— Реннека знаешь? — спросил он.

— По переписке. Он ведёт выплаты вдовам служащих. У моей клиентки дважды потеряли подтверждение смерти мужа. После его вмешательства деньги пришли за неделю.

— Полезный человек.

— Да. Я до этого трижды писала в казначейство. Он послал одну записку.

— И чем тебе это не нравится?

Аннэра повела ногтем по краю конверта.

— С ним я теперь буду разговаривать осторожнее. Уже сегодня чуть не сказала тебе: спроси у Реннека, он поможет.

Владен перечитал приложение. Реннек отвечал за помещение, охрану перевозки и расчёт с жертвователем. Вопросы королеве утверждала комиссия Совета.

— У меня только смерть, — сказал он. — Родословные пусть выясняют без меня.

Аннэра усмехнулась.

— Тогда попроси вписать это в поручение.

Он сложил лист.

За стеной зашуршало. По старой балке снова текло; дождь находил щель над кладовой каждую осень. Аннэра подняла глаза к потолку.

Владен подумал о трёх месяцах жалованья.

— Я сегодня поручился за человека.

Она повернулась к нему.

— За кого?

— Конюх. Восемнадцать лет. Взял у хозяина четыре серебряных и скрыл часть показаний. Я сказал, что после разговора его отпустят.

— Зачем ты это сказал?

— Хотел, чтобы рассказал.

Аннэра некоторое время разглядывала мужа.

— Сколько?

Он назвал сумму.

С кухни было слышно, как вода капает в таз за стеной. Два удара подряд, затем пауза.

— Это залог, — добавил Владен. — Не расход. Если явится…

— Я знаю, что такое залог.

Он замолчал.

Аннэра взяла со стола мокрую бумагу от каштанов. Скомкала её, отнесла в ведро.

— Мастер ждёт расчёта в четверг.

— Поговорю с ним.

— Я уже говорила. Он согласился на четверг, потому что я обещала.

Владен потёр глаза. Под веками жгло.

— Что ты предлагаешь? Отозвать поручительство?

— Я предлагаю не обещать мастеру ещё раз. Ты ведь сейчас скажешь ему подождать.

— Я поговорю.

— Он купил лес на свои деньги, Владен. Мне его жена уже приходила объяснять.

Она говорила тихо. Бодан спал наверху.

— У нас есть ещё деньги, — сказал Владен.

— У меня есть деньги на жалованье помощнице и дорогу к свидетелю. Ты их имеешь в виду?

Он не ответил.

Аннэра сняла с полки маленькую жестяную коробку, открыла, пересчитала монеты. Владен видел её профиль: выбившуюся прядь возле уха, усталую складку у рта. Хотел обнять, но остался сидеть.

— Я найду, — сказал он.

— Где?

Владен посмотрел на коробку. Аннэра прикрыла её ладонью.

— Эти я уже посчитала.

— Часы можно заложить.

Она перевела взгляд на его карман.

— Сначала узнай, сколько дадут.

— Узнаю.

Аннэра закрыла коробку. Крышка зацепилась за край монеты; пришлось открыть снова и переложить верхний ряд.

— Утром запишем, что останется. Я сейчас уже считать не могу.

Владен встал, чтобы пропустить её к двери. Когда она проходила, он коснулся её руки. Аннэра остановилась, но не повернулась.

— Я должен был сначала сказать тебе.

— Да.

Он отпустил её. Шаги поднялись по лестнице и стихли.

Владен снова развернул поручение. Перечитал список вопросов, который приложили к нему, и остановился на последнем: «Подтвердить отсутствие иных обстоятельств смерти, имеющих значение для законности престолонаследия».

Взял перо, зачеркнул «подтвердить» и написал над строкой: «установить».

Потом заметил, что испортил официальный экземпляр.

Он долго смотрел на исправление. Одиннадцать лет назад такая же маленькая правка появилась в другом протоколе. Тогда никто не попросил его объяснить разницу.

Владен отложил перо. Сложил поручение исправлением наружу, чтобы утром не забыть потребовать новый экземпляр, и поднялся к жене.

Глава 3. Королева, которую убили дважды

У нижних дверей храма Владену велели оставить оружие. Он снял перевязь, положил нож рядом с мечом и получил деревянную бирку. Караульный проверил имя в списке, затем посмотрел ещё раз — уже на самого Владена.

— Вас ждут.

— Мне передали.

Утром он успел зайти в управление. Ходатайство по Лойту назначили к рассмотрению после полудня; на случай задержки Владен оставил письменное поручительство. Новый экземпляр приказа на участие в возвращении ему не выдали. Секретарь взял испорченный, прочитал исправление и сказал, что начальник занят.

Теперь бумага лежала во внутреннем кармане. Над словом «подтвердить» темнело его собственное «установить».

За дверью было теплее, чем на лестнице. Вдоль стены стояли жаровни, возле них сушились плащи. Человек в сером сюртуке наклонился над столиком и переставлял чашки с одного края на другой, освобождая место для ящика с лекарскими принадлежностями.

— Господин Бейлен? Сивар Реннек.

Он протянул руку. Ладонь была тёплой, сухой. На указательном пальце сидел чёрный перстень без герба.

— За позднее извещение прошу простить. Назначенный следователь оказался родственником одного из заявителей. Проверили лишь вчера.

— Кто проверил?

— Его управление. Я получил замену вечером. Вам дали перечень вопросов?

Владен вынул письмо.

Реннек заметил исправление. Прочитал, чуть поджал губы.

— Это лучше согласовать с представительницей Совета.

— Для этого я и пришёл заранее.

Реннек кивнул, будто другого ответа и не ожидал, и придержал дверь.

В помещении за ней пахло воском и нагретым камнем. Из узких окон под потолком падал бледный свет. В центре стоял стол; на сером полотне лежали череп и соединённые тремя сохранившимися позвонками обломки позвоночного столба. Рядом находились футляр с печатями, опись и маленький латунный циркуль.

Владен сперва посмотрел на кости.

Повреждение располагалось сзади, ближе к основанию черепа. Один край вдавился внутрь. Он обошёл стол, не касаясь полотна.

— Кто исследовал травму?

— Я осматривал останки для допуска, — ответил пожилой лекарь. — Для установления причины смерти нужен отдельный осмотр.

— Его назначили?

— Мне ничего не сообщили.

Владен достал записную книжку.

— Сохраните положение фрагментов после обряда. И все упаковочные материалы. Я направлю требование сегодня.

Лекарь посмотрел на Реннека.

— Хранение оплачено до окончания производства, — сказал тот. — Ничего не отправляем обратно без согласования обеих сторон.

Возле противоположной стены писец проверял перья. Он оставил три одинаковых на расстоянии ладони друг от друга и подвинул под локоть чистую тряпицу. Молодой, с припухшими веками; ноготь большого пальца до половины почернел от чернил.

Владен задержался у его стола.

— Как вас зовут?

— Халлен, господин следователь.

— Пишите вопросы тоже. Если не успеваете — отмечайте пропуск. Не дополняйте потом по памяти.

Халлен посмотрел на женщину, стоявшую возле окон.

— Мне уже дали порядок.

Женщина подошла сама. Худощавая, в закрытом платье без украшений; на цепи у пояса висел знак Великого Совета.

— Леди Сейна. Вы хотите изменить утверждённые вопросы?

— Один. Я не могу заранее подтвердить, что иных обстоятельств смерти не было.

Он показал исправление. Сейна прочитала.

— Выясните в отведённое время. Две минуты после первоначального удостоверения личности и вопроса о ребёнке. Затем очередь комиссии.

— Если ответ потребует уточнения?

— Тогда постарайтесь услышать его с первого раза.

Реннек, стоявший рядом, отвёл взгляд к столу с останками. Владен убрал приказ.

От двери донёсся кашель. Церковный хранитель Ровен ввёл в зал жертвователя.

Илмар оказался широкоплечим молодым человеком в чужом праздничном камзоле. Застёжка у горла не сходилась; под ней виднелся свежий след от бритья. Он смотрел прямо перед собой, старательно не замечая костей.

Ровен предложил ему сесть. Илмар отказался, затем всё же сел, когда лекарь попросил закатать рукав.

Владен проверил бумаги. Двадцать девять календарных лет. Прежних пожертвований не зарегистрировано. Врачебное удостоверение подтверждало допуск: не моложе восемнадцати по рождению, биологический возраст до принятия дара — меньше пятидесяти пяти. Возвращение Мирелы — первое; прежние описи её останков и церковные книги сверены. На отдельном листе лежало согласие Илмара.

— Вам объяснили последствия? — спросил Владен.

— Девять лет. Да.

— Как они будут уплачены?

Илмар сглотнул.

— Сразу.

— Вы можете отказаться до начала.

— Мне это уже говорили.

Владен перевернул договор. Оплата была достаточной, чтобы купить небольшую мастерскую с жильём наверху. Первая часть уже поступила жене, остаток полагался после обряда независимо от полученного свидетельства.

— Кто-нибудь требует от вас участвовать?

Илмар наконец посмотрел ему в глаза.

— Моя жена требует, чтобы я ушёл. Она наверху. Если хотите, спросите.

— Я спрашиваю вас.

— А я хочу мастерскую. Четыре года хочу. Мне ещё четыре года таскать чужие тюки, пока хозяин думает, давать ли прибавку?

Он потер ладони о колени.

— Простите. Я не на вас.

Реннек подошёл к лекарю и тихо спросил, готова ли комната для отдыха. Илмар проследил за ним взглядом.

— Вы ей скажите сразу, — попросил он. — Как закончится. А то будет думать, что я умер.

— Скажу, — ответил Реннек.

Ровен поставил перед жертвователем неглубокую каменную чашу. В ней была вода. Над столом с останками закрепили часы: узкий прозрачный сосуд, соединённый тонкой трубкой с приёмной чашей. Девять рисок шли по стенке нижней чаши. Служитель проверил отверстие и поставил её точно под трубкой.

— Отсчёт начнётся с принятия дара, — сказал Ровен. — Остановить его нельзя. Не приближайтесь к возвращённой и не пытайтесь её удерживать.

Сейна заняла место у головы стола. Владен встал напротив писца. Реннек отступил к двери.

Илмар погрузил руки в чашу. Вода дрогнула и успокоилась.

— Моим решением, — произнёс он. — Из моей жизни. Девять лет.

Последнее слово вышло слишком громким.

Из нижней трубки часов упала первая капля.

Илмар согнулся. Лекарь успел подхватить его за плечи, но стул всё равно скрипнул по камню. Жертвователь стиснул зубы; возле рта обозначились складки, которых секунду назад не было. На виске посветлела узкая прядь. Его руки остались в чаше — крупные, знакомые, но кожа над костяшками стала суше.

Он посмотрел на них с таким недоумением, что Владен отвёл глаза.

Над полотном стояла женщина.

Без венца. Тёмные волосы были убраны на затылке, несколько прядей прилипли к шее. На плече светлого платья темнело пятно. Она держала правую руку возле груди, словно только что отдёрнула её от огня.

Через край юбки просвечивал каменный стол.

— Кто вы? — спросила она.

Сейна сделала шаг.

— Ваше Величество. Меня зовут Сейна. Я представляю Великий Совет королевства.

Женщина смотрела на неё. Затем повернула голову к Ровену.

— Сколько?

— После вашей смерти прошло сто тринадцать лет.

Губы Мирелллы шевельнулись.

— Нет. Я слышала…

Она оглянулась, ожидая чего-то за спиной, и увидела свои останки. Наклонилась к черепу. Рука остановилась над вдавленным краем кости.

Владен услышал, как Халлен опустил перо в чернильницу мимо горлышка. Тот немедленно взял другое.

— Назовите себя, — произнёс Ровен.

Мирелла выпрямилась.

— Мирелла. Дочь Ордена. Королева.

Ровен задал два вопроса из закрытого удостоверения. На первый она ответила сразу, на второй — после паузы, поправив имя человека, указанного в вопросе. Хранитель сверился с листом и кивнул.

Вода прошла первую риску.

— Существовал ли у вас ребёнок, не признанный официально? — спросила Сейна.

Мирелла посмотрела на дверь.

— Да.

— Сын?

— Да.

— Кто его отец?

Королева молчала.

— Это необходимо для установления законных прав его потомков.

— Его потомки живы?

— Мы проверяем это.

Мирелла закрыла глаза. Владен заметил, как пальцы её правой руки впились в ткань возле груди. Потом она отпустила платье.

— Отец был моим советником. Приговор ему подписала я.

Сейна подняла свой перечень.

— За убийства во время подавления переворота?

— За то, что он приказал сделать после победы.

— Вы знали о беременности?

— Когда подписывала — нет.

Илмар за спиной Владена тяжело втянул воздух. Лекарь увёл его к дальней стене. Мирелла посмотрела вслед.

— Это он?

Ровен кивнул.

Она долго смотрела на человека, отдавшего ей время. Сейна уже открыла рот для следующего вопроса, но Владен показал ей на часы.

Вторая риска.

— Владен Бейлен, королевский следователь. Ваша смерть была признана несчастным случаем.

— Бейлен?

— Да. Что вы помните перед смертью?

Королева повернулась к нему всем телом.

— Которой?

Халлен перестал писать. Владен услышал, как в приёмную чашу стекает вода.

— Перед гибелью вашего тела, — сказал он.

Мирелла посмотрела на череп.

— Читальня. Я хотела позвать караул.

— Почему?

— Мне принесли распоряжение от моего имени. Я его не давала.

— Кто принёс?

— Служитель. Рив. Я велела ему уйти. Потом пришёл Вейн.

Владен записал фамилии.

— Он угрожал вам?

— Он просил подписать. Говорил, что ребёнка уже ждут. Что я погублю тех, кто помогал.

— Вы подписали?

— Нет.

— Он вас ударил?

— Я отвернулась. Дотянулась до шнура. Дальше…

Она коснулась затылка и отняла руку, словно ожидала увидеть на пальцах кровь.

— Кто ещё находился в комнате?

— Я слышала дверь. Не знаю, вошёл кто-нибудь или вышел.

— После удара вы оставались в сознании?

— На полу. Холодно. Под щекой было мокро.

Вода в нижней чаше дошла до третьей риски.

— Звали на помощь?

— Северина.

Владен не шевельнулся.

— Он ответил?

— Через дверь.

— Что сказал?

— Не помню. Я просила открыть.

Сейна подняла руку, но Владен не посмотрел на неё.

— Лекарь пришёл?

— Я его не видела.

Королева смотрела на следователя с внезапной усталостью.

— У вас его глаза.

— Кого?

Она снова перевела взгляд на кости.

Сейна заговорила, прежде чем Владен успел повторить вопрос:

— Как можно установить происхождение вашего сына?

Четвёртая риска.

Мирелла долго не отвечала. Сейна повторила вопрос, изменив слова, и это, наконец, вернуло её внимание.

— Первоначальная запись у хранительницы Святого Предела. Знак — три листа. Мой экземпляр…

Она замолчала.

— Где ваш экземпляр?

— Я отдала его тому, кто должен был вывести ребёнка.

— Имя этого человека?

— Эстена знала.

— Сколько лет было мальчику?

— Три.

— Как его звали?

Мирелла посмотрела прямо на Сейну.

— Прежде скажите, зачем вам он.

— Мы должны избрать государя. Законная линия пресеклась.

— Вы хотите найти его ребёнка, чтобы посадить на моё место?

— Потомка. Прошло более века.

— Я слышала.

Сейна выдержала паузу. Она не повысила голоса, когда заговорила снова.

— За эти девять минут человек отдал девять лет. Вы можете помочь нам избежать войны.

Мирелла повернула голову к Илмару. Тот сидел, уперев локти в колени. На него накинули одеяло. Он не смотрел на королеву.

— Его имя Йорен, — сказала она.

Халлен записал.

Пятая риска.

— Родимое пятно на левом плече? — Сейна сверилась с перечнем.

— Нет.

— Рубец под подбородком?

Мирелла кивнула.

— Упал. Не давал промыть.

Она провела пальцем под собственным подбородком, показывая место, и вдруг посмотрела на Сейну внимательнее.

— Кто вам рассказал?

— Признак указан в одном из представленных свидетельств. В какой семье его воспитывали после?

Мирелла покачала головой.

— Я не знаю, куда его увезли.

— Вы не наблюдали за ним после смерти?

Владен поднял глаза. В перечне вопросов этого не было.

Мирелла посмотрела на Сейну, затем на Ровена.

— Я слышала воду.

Хранитель не двигался.

— Всё время? — спросил Владен.

— Иногда шаги. Иногда люди. Они уходили, и опять вода.

— Вы понимали, кто вы?

— Да.

— Могли что-нибудь делать?

Королева стиснула руки.

— Держать.

— Что держать?

— Закрытым.

Шестая риска.

Ровен подошёл ближе к столу.

— Это началось при жизни? — спросил Ровен.

— Да.

— Кто принимал обязательство?

Мирелла повернулась к нему.

— Я сказала вам о сыне. Вы мне — что его ищут. Что ещё вы знаете?

Сейна коснулась своего перечня.

— Мы проверяем документы семей, которые называют себя его потомками.

— Он вырос?

Сейна помедлила.

— Этого пока не установили.

Мирелла посмотрела на Владена, словно он мог ответить иначе. Тот хотел вернуться к воде, к слову «держать», но королева уже отвернулась.

Вода поднялась к седьмой риске. Сейна подалась вперёд.

— У вашего сына были братья или сёстры?

— Нет.

— Вы признавали за ним право наследования?

— Я хотела, чтобы он жил.

— Это не ответ на вопрос.

— Другого не будет.

Мирелла подняла ладонь, останавливая Сейну. Та всё ещё держала перед собой перечень. За её плечом вода в чаше медленно поднималась над седьмой риской.

Ровен тихо попросил Сейну отойти.

— Ваше Величество, вас прежде возвращали из мёртвых?

— Нет.

Хранитель кивнул Халлену. Тот продолжал писать, зацепив рукавом край тряпицы.

Владен подошёл на полшага.

— Мирелла. Тот, кто не открыл вам дверь. Вы уверены, что слышали Северина Бейлена?

— Он назвал меня государыней.

— Вы узнали голос?

— Да.

— А Вейна после удара слышали?

Она нахмурилась, пытаясь вспомнить.

Вода коснулась восьмой риски.

Мирелла резко повернула голову к двери.

— Не сейчас, — произнесла она. — Это было не сейчас.

Ровен поднял ладонь, запрещая вопросы.

— Девятая.

Королева смотрела сквозь стоявшего у стены Реннека.

— Мужчина. Руки в воде. Он говорит, что согласен… Раньше — лист. Его несут по лестнице. Торопятся. Чёрная печать.

Халлен сменил перо.

— Ещё раньше… грязь на сапогах. Человек говорит: нижний открыт. Можно назначать.

Она отступила. Край стола прошёл сквозь её колени.

— Вода. Мальчик за дверью. Нет, двое. Один не может встать.

Владен почувствовал, как ворот стал тесен.

— Он зовёт. Бодан. Говорит: тяни…

Мирелла подняла руки, будто хотела удержать что-то перед собой.

— Он убил меня во второй раз.

Никто не заговорил. Владен слышал собственное дыхание и скрип пера.

— Бодан Бейлен, — сказала королева. — Имя на листе. Это он. Он не знал.

Сейна повернулась к писцу.

— Запишите имя отдельно.

Мирелла уже смотрела в другую сторону.

— Раньше. Здесь ещё сухо. Мужчина ставит лампу. Вынимает…

Голос ослаб. Лицо потеряло очертания, руки исчезли раньше платья. Последняя капля сорвалась из верхнего сосуда.

На столе лежали кости.

* * *

Реннек первым подошёл к Илмару. Попросил лекаря остаться с ним, затем послал служителя за женой. Сейна стояла возле писца. Ровен закрыл верхний сосуд часов, хотя воды там больше не было.

Владен посмотрел на свою книжку. Последнее записанное слово — «Северин». После него перо прорезало бумагу до следующей страницы.

— Господин Бейлен.

Реннек говорил негромко.

— Вам нехорошо?

— Нет.

— Присядьте. Я принесу воды.

Владен убрал книжку.

Сейна протянула руку к последнему листу Халлена.

— Этот фрагмент пока не включать в общую копию. Он может касаться живого несовершеннолетнего.

Халлен посмотрел на Ровена.

Владен узнал это движение. Одиннадцать лет назад другой писец так же ждал, кто из старших возьмёт на себя решение. Тогда Владен забрал лист сам. К вечеру от него остались хлопья в печи.

Теперь можно было сказать, что он не расслышал фамилию. Попросить сверить имя. Напомнить, что на девятой минуте возвращённые путают людей, что королева называла его предка, что мальчиков Боданов в столице десятки.

Бодан сейчас, наверное, пытался достать лодку с верхней полки.

— В общую копию — с ограничением доступа, — сказал Владен. — В подлинник — полностью.

Сейна повернулась к нему.

— Я не предлагала уничтожать запись.

— Тогда мы согласны.

Он подошёл к столу писца. Прочитал последние строки. В имени не было ни кляксы, ни пропуска.

— Я услышал то же самое.

Халлен подвинул лист для подписи. Ровен подошёл с другой стороны и положил рядом церковную печать.

Сейна смотрела на Владена.

— Вы знаете этого ребёнка?

Он взял перо. Подписал свидетельство, прежде чем ответить.

— Это мой сын.

Глава 4. До полудня

Сейна первой посмотрела на дверь.

— Никому не выходить.

Реннек убрал руку с дверной скобы.

— Лекарю нужно вывести жертвователя.

— Кроме лекаря. И жертвователя.

Ровен накрыл останки полотном. Илмар с трудом поднялся; одеяло соскользнуло на пол. Пока служитель подбирал его, в дверях появилась женщина в синем платке. Она увидела мужа, остановилась, затем подошла так быстро, что лекарю пришлось посторониться.

— Я же говорил, — сказал Илмар.

Женщина приложила ладонь к его щеке. Он улыбнулся. Она не улыбнулась в ответ.

Реннек вывел их в соседнюю комнату и вернулся, закрыв дверь.

Владен всё ещё стоял у стола писца. На последней странице блестела его подпись. Халлен не решался посыпать её песком, пока следователь держал руку на краю листа.

— Сколько лет вашему сыну? — спросила Сейна.

— Семь.

— Он бывал у старых водяных сооружений?

Владен поднял глаза.

— Шесть дней назад он едва не утонул.

— Где?

— В нижней башне. Вместе с другим мальчиком.

Сейна выдвинула стул и села.

— Имя второго?

— Это не допрос.

— Пока нет.

Ровен стряхнул песок с листа в деревянный лоток. Владен смотрел, как на бумаге проявляются сухие буквы. В этой комнате уже находилось всё, что нужно для беды: имя, возраст, место, свидетели.

— Я сообщу сведения назначенному следователю, — сказал он. — Вместе с письменным уведомлением о родстве. Сейчас завершим удостоверение.

— Вы не вправе определять порядок действий комиссии.

— А вы — распоряжаться церковным подлинником, — произнёс Ровен.

Сейна повернулась к нему.

— Вы понимаете, что произошло?

— Да. Поэтому лист останется здесь до составления копий.

Хранитель говорил с ней впервые без почтительности. Она это заметила. Помолчала, затем положила на стол знак Совета, снятый с пояса.

— Я прошу опечатать материалы и ограничить доступ. Ни имени ребёнка, ни обвинения в открытом сообщении. До решения уполномоченного суда.

— Это я подпишу, — сказал Ровен.

— И запретить семье покидать столицу.

Владен убрал руку со стола.

— Для этого потребуется другое решение.

Реннек подвинул Сейне чистый лист.

— Я отправлю курьера в управление. Пусть присылают старшего. Здесь мы только потеряем время.

Он не посмотрел на Владена, когда добавил:

— До его прибытия господин Бейлен может остаться в комнате для свидетелей. Без охраны внутри.

Владен почувствовал, как свело челюсть.

— А снаружи?

Реннек встретил его взгляд.

— На лестнице уже стоят караульные. Они здесь с утра.

* * *

В комнате стояли узкий стол, два стула и скамья. Окно под потолком было закрыто. Из соседнего помещения доносился голос Илмара: он убеждал жену, что сможет идти сам. Потом что-то упало, и голос оборвался.

Владен сел. Достал книжку. На чистой странице написал дату и время возвращения, затем: «Несовершеннолетний, названный в свидетельстве, является моим сыном».

Перо остановилось.

Он мог написать, что ребёнок спас другого ребёнка. Но сам не видел, как это произошло. Когда прибежал к башне, Бодан уже лежал на снятом с работника пальто, а Ренн кашлял у стены. Владен запомнил синеву губ сына и воду, вытекавшую из рукава, когда поднял его. Всё остальное рассказывали потом.

Он дописал только то, что знал.

За дверью разговаривали. Владен различил голос Реннека и ещё один, незнакомый. Упоминали охрану, транспорт и оплату комнаты. Обычные слова. От этого было хуже: снаружи продолжали устраивать день, который для него уже закончился.

Владен подошёл к двери.

Караульный выпрямился.

— Мне нужно отправить жене записку.

— Приказано дождаться старшего.

— Мне запрещена переписка?

Стражник посмотрел в конец коридора.

— Мне про переписку ничего не сказали.

— Тогда позовите того, кто может ответить.

Пришёл Ровен. Владен протянул ему сложенный лист.

— Дом на Медной улице. Аннэре Бейлен. В руки.

— Что в нём?

— Чтобы она оставалась с сыном и никому не позволяла его опрашивать без неё.

Ровен не взял записку.

— Она защитница?

— Да.

— Мне придётся отвечать на её вопросы?

— Передайте в руки, и всё.

Ровен по-прежнему не брал лист. Владен развернул его. «Оставайся с Боданом. Никого к нему не допускай». Ещё две строки о том, чего нельзя делать.

— Подождите.

Он вернулся к столу. Написал имя Мирелы, остановился. Потом дописал её слова. На этот раз лист пришлось сложить вчетверо.

* * *

Аннэра была дома потому, что Бодан спрятал ботинок.

Левый стоял у двери. Правого не было ни под кроватью, ни в кухне, ни за сундуком, где мальчик хранил свои сокровища. До выхода оставалось несколько минут. Потом уроки уже начались, и Аннэра перестала искать.

— Принеси, — сказала она.

Бодан сидел на нижней ступеньке.

— Не знаю где.

— Хорошо. Тогда завтра пойдёшь в старых. Они жмут, но до школы дойдёшь.

Он насупился. Аннэра надела перчатки. Ей предстояло объяснить помощнице, почему снова задерживается, а потом ехать к клиентке через весь город.

— У меня живот болит, — сказал Бодан.

Она сняла одну перчатку и приложила ладонь к его лбу.

— Давно?

— С утра.

— Где болит?

Он показал неопределённо, всей ладонью.

Аннэра присела. Мальчик избегал её взгляда.

— Там кто-то говорит про башню?

— Нет.

Она ждала.

— Терин говорит, что я плакал.

— Ты плакал.

— Я знаю!

Он ударил пяткой по ступеньке. Аннэра удержала готовое объяснение. За окном проехала телега, дрогнули стёкла. Бодан посмотрел на дверь.

— Сегодня останешься, — сказала она. — Но ботинок найдёшь сам.

Он поднял на неё глаза.

— И завтра?

— Сегодня.

В дверь постучали, прежде чем он успел продолжить.

Церковный служитель стоял на пороге с письмом и требовал назвать имя получательницы. Аннэра расписалась на его дощечке, закрыла дверь, развернула лист.

Бодан подошёл ближе.

— От папы?

Она перечитала последние строки.

«Я нахожусь при храме. Протокол сохранён полностью. Не жди меня, если потребуется обращаться в суд».

Буквы были ровными. Владен всегда начинал писать ровно, когда боялся.

— Да, — сказала она.

— Он лодку забыл?

Аннэра подняла голову. Сын смотрел на письмо, надеясь, что оно касается чего-нибудь понятного.

— Нет. По работе задержится.

— Опять?

Она сложила лист.

— Пойди найди ботинок. Мы поедем вместе.

* * *

Старший следователь прибыл через сорок минут. Ильма Севель вошла в комнату без Реннека, закрыла дверь и положила на стол папку. На подоле её плаща засохла светлая грязь.

Владен знал её по двум совместным разбирательствам. Она не любила, когда ей начинали объяснять дело до того, как она прочитает бумаги.

Он подождал.

Ильма сняла перчатки, развернула уведомление о родстве и сравнила его с выпиской Ровена.

— Кто направил вам поручение на возвращение?

— Начальник управления. Вчера вечером.

— Почему заменили первого следователя?

— Реннек сказал — родство с заявителем.

— Вы проверяли?

— Нет.

Она сделала пометку.

— Теперь башня. Что вы видели сами?

Он рассказал. На словах о пальто остановился: вспомнил, как пытался завязать пояс вокруг сына, а мокрые пальцы не слушались. Ильма не подняла глаз от листа и дала ему закончить.

— Другого мальчика зовут Ренн?

Владен посмотрел на неё.

— Откуда вы знаете?

— Из донесения городского дозора. Подняли по времени и месту, которые вы сообщили комиссии. Девять лет. Мать присутствовала, когда детей передавали родителям.

— Что ещё там написано?

Ильма перелистнула бумаги, но не передала их ему.

— Что ваш сын привёл в движение нижний затвор. После этого вода ушла из прохода.

— Значит, он спас Ренна.

— Это согласуется с донесением. Я хочу осмотреть устройство до того, как его отремонтируют.

Владен впервые за утро смог глубоко вдохнуть.

— Верхняя галерея. Работник сказал, что там сорвало…

— Кто сказал?

— Не знаю имени. Высокий, седая борода. Он принёс пальто.

Ильма записала описание.

— У вас есть копия первоначального донесения?

— Нет.

— Получите через представителя. И больше не расспрашивайте работников.

— Я ещё никого не расспрашивал.

— Хорошо.

Она достала из папки другой документ.

Владен понял, прежде чем увидел подпись начальника.

— Отстранение от этого дела?

— От всех действий, связанных с возвращением Мирелы и происшествием в башне. Остальные обязанности — по отдельному распоряжению. До вечера явиться в управление и передать материалы. Здесь расписка о получении.

Он прочитал. Основание было точным, полномочия перечислены без излишков. Возразить можно было против чего угодно, кроме самой необходимости.

— Кто будет вести?

— Я.

— А если потребуют забрать сына?

Ильма сложила руки на столе.

— Тогда будет документ, основание и судья, которому придётся это рассмотреть. Сейчас такого решения у меня нет.

— У Сейны появится.

— Сейна не мой начальник.

Владен взял перо.

— Он боится закрытых дверей, — сказал он неожиданно для себя. — После башни. Не запирайте комнату, если придётся с ним говорить.

Ильма посмотрела ему в лицо.

— Это запишем отдельно.

Он подписал расписку.

На лестнице ему вернули меч и нож. Деревянную бирку караульный бросил в ящик. Владен продел перевязь через плечо, но не сразу попал ремнём в пряжку.

Сверху спускался Реннек.

— Семье понадобится охрана, — сказал он. — Я могу устроить людей уже сегодня.

— Кто ими будет распоряжаться?

— Канцелярия временного правления. Как обычно.

— Пришлите условия письменно.

— Господин Бейлен, я предлагаю помощь.

Владен наконец застегнул ремень.

— Я услышал.

Реннек отступил, освобождая лестницу. На лице у него не было ни обиды, ни раздражения. Это почему-то злило сильнее.

У выхода Владена догнал храмовый служитель. Он вернулся с Медной улицы: госпожа Бейлен велела передать, что будет с ребёнком у служебного входа в Судебную палату.

Владен поблагодарил его и вышел под дождь.

* * *

Аннэра ждала у служебного входа в Судебную палату. Бодан спал в наёмной повозке, прислонившись к плечу её помощницы. На ногах у него были оба ботинка.

Владен остановился возле открытой дверцы. Сын дышал ртом. Во сне лицо казалось младше; под глазом осталась полоска засохшей грязи, которую утром никто не заметил.

Аннэра коснулась мужа за локоть.

— Сюда.

Они отошли под каменный навес.

— Покажи письмо об отстранении.

Он отдал.

Она быстро прочитала, вернула.

— Правильно. Теперь нам нужен человек, которому ты не будешь указывать, как тебя защищать.

— Мне защита не нужна.

— Там твоей подписью заверено, что наш сын убил королеву.

— Что она это сказала.

— Для тех, кто придёт за ним, есть разница?

— Должна быть.

Аннэра смотрела на него, ожидая продолжения. Он отвёл глаза к повозке. Помощница пыталась поправить под головой Бодана свёрнутую шаль, но мальчик прижал её руку щекой.

— Ты хотела бы, чтобы я…

— Нет. Не спрашивай меня об этом.

Аннэра прижала пальцы к переносице.

— Скажи, что теперь произойдёт с ним.

— Ильма осмотрит башню. В донесении сказано, что после его действия вода ушла.

— У тебя есть донесение?

— Пока нет.

— Тогда начнём с него.

Из палаты вышел служитель и окликнул Аннэру. Она ответила, что подойдёт, затем снова повернулась к мужу.

— Я подала срочное заявление. Пока прошу только уведомлять нас обо всех действиях с ребёнком и не опрашивать его без представителя. Решения ещё нет.

— Кто будет представителем?

— Я. Пока не найду другого.

— Ты можешь вести это дело?

Она посмотрела на него устало и зло.

— Сейчас я могу войти в эту дверь и добиться, чтобы нас услышали. Через час, возможно, придётся объяснять уже принятый приказ. Другого человека у меня здесь нет.

Владен кивнул.

Аннэра пошла к служителю. На третьем шаге остановилась.

— И ещё. Бодану пока сказала только, что ты задержался по работе.

— Хорошо.

— Ничего хорошего. Нам придётся рассказать ему больше раньше, чем это сделает кто-то другой.

Она скрылась за дверью.

Владен вернулся к повозке. Помощница осторожно высвободила плечо, и он сел на её место. Бодан проснулся, завозился, ткнулся лбом ему в бок.

— Пап?

— Я здесь.

— Уже поговорил?

Владен обнял его.

— Да.

— Она хотела домой?

Он вспомнил женщину, смотревшую на собственные кости, и человека, который теперь на девять лет старше жены.

— Не знаю.

Бодан потянулся, вытянул ноги поперёк сиденья.

— Я хочу.

Владен придержал сына за плечи, пока тот устраивался удобнее. Напротив, на каменных ступенях палаты, люди ожидали вызова. Некоторые стояли с самого утра. Один мужчина прикрыл бумагами голову от дождя; чернила расплывались, но он этого ещё не видел.

Дверь, за которой исчезла Аннэра, оставалась закрытой.

Глава 5. Под поручительство

Аннэру вызвали, когда Бодан доел вторую булку. Первую он съел быстро, вторую долго разбирал на кусочки, выбирая изюм и складывая его отцу в ладонь. Помощница, вернувшаяся из лавки, принесла ещё молоко, но оно успело остыть.

— Не уходите отсюда, — сказала Аннэра.

Владен кивнул. Она уже повернулась к двери, когда он окликнул:

— Если спросят про охрану…

— Я прочитаю условия.

— Реннек предложил…

— Владен. Я прочитаю.

Она ушла, не дожидаясь нового совета.

Помещение дежурного судьи оказалось занято чужими вещами. У стены стояли два перевязанных тюка, на свободном стуле лежал женский башмак с оторванной подошвой. Судья Харвен заканчивал слушать спор между возчиком и хозяйкой багажа. Аннэра ждала у двери, сжимая папку обеими руками.

Женщина требовала возместить платье. Возчик говорил, что тюк сдали уже мокрым. Харвен просил показать расписку. На подоконнике сохла разрезанная верёвка.

Когда стороны вышли, судья посмотрел на Аннэру поверх очков.

— Вы просите ограничить действия в отношении ребёнка, которому пока ничего не предъявлено.

— Сегодня его назвала возвращённая Мирелла.

— Я прочитал заявление. Где протокол?

— Заверенную выписку везут из храма. Муж присутствовал при возвращении.

— Ваш муж и есть второй родитель?

— Да.

Харвен отложил перо.

— Тогда вас обоих нужно выслушать как источники сведений. Представителя ребёнку назначьте другого.

— Пока другого нет.

— Есть список дежурных защитников.

— Кто сегодня дежурит?

Харвен протянул ей список. Аннэра узнала первую фамилию: в прошлом месяце этот защитник перепутал день и не явился к подзащитному. Ниже стояли ещё три имени. Она задержалась на них, вернула лист.

— Мне нужно с ними поговорить.

— Поговорите.

— Я прошу временную меру до назначения независимого представителя.

Судья потёр переносицу.

— Запрет любых опросов я не дам. Запрет разлучения с родителями без отдельного решения — рассмотрю. Охрану само по себе это не отменяет.

В дверь постучали. Служитель внёс письмо, за ним вошёл худой мужчина с кожаной папкой. Представился поверенным канцелярии временного правления. На лбу у него блестел пот: видимо, спешил.

Он положил перед судьёй предложение о размещении семьи в охраняемом доме.

Аннэра взяла свою копию. Сначала нашла срок. Его не было.

— Кто определяет, когда необходимость закончилась?

— Ответственный за безопасность.

— Как обжалуется его решение?

Поверенный перевернул свой экземпляр, словно ответ мог обнаружиться на обороте.

— Это предложение добровольное.

— Тогда впишите право уйти.

Он посмотрел на Харвена.

Судья не помог ни одному из них. Ждал.

— Я не уполномочен изменять форму, — сказал поверенный.

— А я не уполномочена соглашаться вместо ребёнка на бессрочное удержание.

— Госпожа Бейлен, у дома вашей семьи нет ни второго выхода, ни постоянного караула. Если имя станет известно…

Аннэра почувствовала, как холодеют пальцы. Он был прав насчёт дома. Правильность этого замечания ничего не меняла в тексте бумаги.

— Кто сейчас знает имя?

— У меня нет перечня.

— Значит, начните с перечня. Я прошу суд установить, кому передана выписка и кто разрешает её дальнейшую передачу.

Харвен придвинул чистый лист.

Он не дал ей всего, чего она просила. Опрос допускался после уведомления представителя, в присутствии одного из родителей. Осмотр ребёнка — обычным лекарем, без ритуальных действий. Для перемещения против воли семьи требовалось новое обращение с конкретным основанием. Закрытое хранение сведений распространялось на имя, адрес и школу.

— А те выписки, которые уже отправили? — спросила Аннэра.

Харвен придержал лист, чтобы она не забрала его неподписанным.

— Запрошу получателей. Им передадут определение.

— Сегодня?

— Сегодня.

Аннэра прочитала определение дважды. Поверенный ждал у двери.

— Предложение охраны остаётся в силе, — сообщил он.

— Пришлите форму с правом прекращения, — ответила она.

Он кивнул. Аннэра не поняла, означало это согласие или желание наконец уйти.

* * *

Владен получил известие по Лойту, пока Аннэра забирала копии. Судебный служитель нашёл его у повозки и попросил пройти в соседнее крыло.

Бодан вцепился в рукав.

— Ты опять?

— Внутри этого дома. Никуда не уезжаю.

— Я тоже пойду.

— Подождёшь с Нэдой.

Мальчик отвернулся. Владен оставил ему свою записную книжку — не служебную, а ту, где хранились домашние счета и наброски лодки.

— Посмотри, какой парус нужен.

Бодан взял её, не оборачиваясь.

Лойт сидел на скамье возле канцелярии. На коленях у него лежал мешок, которого вчера не было. Керст стоял рядом и листал расчётную книгу прислуги.

— Выпускают, — сказал пристав. — Под вашу ответственность. По краже дело отдельно. Возчик остаётся до лекарского заключения.

— Лекаря нашли?

— Нашли. Покойный обращался к нему за неделю до ссоры. Падал с лестницы, жаловался на голову. Лекарь велел лежать. Купец продолжал работать.

Владен посмотрел на книгу. Смерть Эрдаля не стала понятнее; зато вчерашнее уверенное заключение теперь пришлось бы писать заново.

— Передайте это следователю, который продолжит, — сказал он.

Керст поднял глаза.

— Вы уходите?

— Сегодня занят другим.

Пристав не стал спрашивать. Подвинул расписку.

Лойт всё время смотрел на мешок.

— Что там? — спросил Владен.

— Моё.

— Из конюшни?

— Госпожа велела убрать. Сегодня. До вечера чтобы не было.

Керст закрыл книгу.

— Нашёл ему место у шорника. Пока на пробу. Поручительство это не отменяет, адрес запишем.

Владен посмотрел на пристава, которого вчера считал главным препятствием во всём деле.

— Спасибо.

Керст пожал плечами.

— Парень с лошадьми умеет. Там нужно.

Владен подписал. Лойт поднялся.

— Мне теперь к вам каждый день?

— По вызову. Если сменишь жильё — сообщить сразу.

Парень взял мешок за горловину.

— А четыре серебряных?

— Останутся в деле.

Лойт кивнул и направился к выходу. У самой двери остановился.

— Я правда хотел вернуть.

Владен не сказал, что верит. Он не знал.

— Я записал твои слова.

Парень вышел. Владен некоторое время смотрел на освободившуюся скамью, затем вернулся к сыну.

На странице с домашними расходами Бодан нарисовал лодке огромный треугольный парус. Он закрывал половину расчёта за кровельные работы.

* * *

Лиора приехала к Аннэре после полудня. Её привела Нэда, успевшая передать приглашение по дороге из палаты. Бодан в это время сидел в кухне со служанкой и пытался вырезать парус из старой простыни. Владен отнёс в управление материалы возвращения и ещё не вернулся.

Аннэра встретила клиентку в передней.

— Ренн?

— С сестрой. Кашель проходит.

Лиора сняла перчатки, но плащ оставила на плечах.

— Что случилось?

Аннэра проводила её в кабинет и прикрыла дверь.

Рассказала не всё свидетельство. Только о башне, имени Бодана и начатой проверке. Лиора слушала стоя. Когда Аннэра дошла до предложения государственной охраны, та села.

— Они знают про моё дело?

— Пока у меня нет таких сведений.

— Но будут спрашивать, почему Ренн оказался там вместе с вашим сыном.

— Уже спрашивают об аварии.

Лиора посмотрела на дверь.

— А вы знали, что будут возвращать королеву сегодня?

— Дату узнала вчера вечером.

— И не сообщили.

Аннэра положила ладони на стол.

— Я собиралась приехать утром.

— Я ждала вашего письма неделю.

Из кухни донёсся смех Бодана. Что-то упало, служанка коротко охнула. Обе женщины прислушались. Потом Лиора заговорила тише:

— Мой сын чуть не утонул. Теперь королева называет вашего. Вы можете вести моё дело дальше?

Аннэра хотела ответить сразу. Вместо этого достала папку с семейными записями Лиоры.

— Я могу передать её другому защитнику. До передачи не предприму ничего от вашего имени без согласования.

Лиора провела пальцем по шву перчатки.

— Мне не нужен новый человек, которому снова придётся рассказывать про бабушку, про бумаги, про всё. Мне нужно, чтобы вы не выбирали за меня.

— Хорошо.

— И если интересы мальчиков разойдутся, скажите до того, как примете решение.

Аннэра кивнула.

Лиора расстегнула плащ. Сняла его, не вставая, и повесила на спинку стула. Шерстяной рукав зацепился за застёжку; она дёрнула, оборвав нитку на недавно зашитой манжете.

— Проклятье.

Аннэра потянулась помочь, но Лиора уже освободила руку.

— Он всё время спрашивает, почему Бодан не приходит, — сказала она.

— Бодан спрашивает то же самое.

— Может, пусть просто увидятся?

Аннэра посмотрела на закрытую папку. Завтра ей предстояло решать, какие сведения передать следствию и какие оставить в наследственном деле. Сейчас на несколько секунд захотелось убрать её в ящик и действительно позволить мальчикам просто увидеться.

— Договоримся на завтра, — сказала она. — Здесь. Если ни один не будет против.

* * *

Владен вернулся с пустой рабочей сумкой. Аннэра заметила это раньше, чем он поставил её возле двери.

— Всё передал?

— Всё по Мирелле. И написал заявление на отпуск до отдельного распоряжения.

— Дадут?

— Начальник сказал, что это разумно. Когда он так говорит, обычно уже решил сам.

Он попытался улыбнуться. Аннэра не ответила, но подвинулась, освобождая место на скамье.

Бодан сидел напротив. Перед ним лежали лодка и вырезанный парус. Края ткани пошли бахромой.

— Надо поговорить, — сказал Владен.

Мальчик посмотрел на ножницы.

— Я только старую взял.

— Не про простыню.

Аннэра убрала ножницы со стола.

— Сегодня королева говорила о тебе, — начал Владен. — О том, что случилось в башне.

— Она там была?

— Мы пока не знаем, как…

— Я её не видел.

— Я знаю. Послушай, Бодан. Теперь нужно выяснить, почему она тебя назвала. К тебе будут вопросы.

Мальчик переводил взгляд с отца на мать. Владен заговорил снова, но Аннэра коснулась его руки.

— Она сказала, что ты её убил.

Бодан перестал мять край паруса.

— Она же давно умерла.

— Да, — сказал Владен. — Задолго до твоего рождения.

— Тогда почему?

Владен не ответил. Сын ждал; за стеной служанка двигала что-то тяжёлое по кухонному столу.

— Поэтому и будем разбираться, — сказала Аннэра.

Бодан сдвинул лодку к краю.

— А Ренн у неё?

— Нет. Ренн дома. Завтра придёт к нам.

— Ты его видела?

— Его мама была здесь. Он с тётей. Я могу послать к ним Нэду.

Бодан кивнул, не поднимая глаз.

— А меня заберут?

— Сейчас ты остаёшься с нами, — сказала она. — Если кто-то захочет говорить с тобой, мы будем рядом.

Бодан повернулся к отцу.

— Ты же следователь.

— Это дело будет вести другая следовательница.

— Почему?

Владен посмотрел на свои руки.

— Потому что ты мой сын.

Бодан нахмурился. Ему явно казалось, что именно поэтому всё должно быть наоборот.

— Но я ничего не сделал.

Аннэра придвинулась ближе.

— Ты вытащил Ренна. Мы знаем.

— Тогда скажите ей.

— Скажем.

— Сейчас.

Владен встал, достал из сумки копию уведомления и показал сыну строку об аварии. Бодан водил пальцем по буквам, разбирая медленно. На слове «возвращение» сбился и убрал руку.

— Я не буду больше делать лодки, — сказал он.

Аннэра открыла рот, но Владен покачал головой.

— Не хочешь — не делай.

Бодан отодвинул лодку на середину стола. Парус остался у него на коленях. Он мял ткань, пока взрослые молчали, а потом спросил, можно ли сегодня спать с открытой дверью.

Глава 6. Нижний затвор

К башне Ильма приехала раньше городского инженера и застала двух рабочих, вытаскивавших из воды сломанную лестницу.

Один стоял на площадке, другой по пояс погрузился в нижний проход. Верёвка резала край кладки. Старший, седобородый, ругался без злости, с той усталой последовательностью, с какой люди считают ступени.

— Положите, — сказала Ильма.

Они не услышали за грохотом воды.

Она подошла ближе.

— Прекратите работу.

Седобородый повернулся. Увидел знак следователя и выпрямился, не отпуская верёвки.

— Вы нам вчера нужны были.

— Лестницу оставьте.

— Он тогда в воде останется.

Ильма посмотрела вниз. Рабочий стоял на обломке балки, придерживая лестницу плечом. Обратного пути на площадку у него действительно не было.

— Поднимайте. Медленно.

Седобородый коротко кивнул. Ещё двое подошли сзади, подхватили верёвку. Лестница ударилась о камень, повернулась и легла на площадку. Ильма успела заметить светлую полосу на нижнем конце — там дерево было недавно расколото.

Рабочий выбрался следом. Из-за пояса капало на сапоги. Он выругался, пытаясь выжать рукав, и только потом понял, что перед ним следователь.

— Простите.

— За что? — спросила Ильма.

Он посмотрел на седобородого. Тот молча махнул ему к выходу.

— Имя? — спросила она старшего.

— Каль. Смотритель.

— Вы были здесь в день аварии?

— Я их вытаскивал.

— Двух мальчиков?

— Двоих. Один уже на ногах не стоял.

Это был человек с пальто. Ильма достала книжку, но Каль показал на проход.

— Здесь нельзя долго. Вода опять прибывает. Верхние мельники открыли подачу, им молоть надо. Хотите говорить — идём наверх.

На верхней галерее пахло сырым железом. У стены лежали запасные скобы, корзина с инструментом и две пары рукавиц. Каль показал на табурет, сам остался стоять.

— Садитесь, — сказала Ильма.

— В мокром не сижу. Потом не разогнёшься.

— Кто распорядился ремонтировать сегодня?

— Я. Через городскую службу. Заявку подал наутро после аварии. Только теперь дали людей.

— Сохранилась копия?

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист. Края размокли, но дата читалась.

Ильма вернула бумагу.

— С утра после аварии здесь что-нибудь убирали?

— Каждый день. Проход-то нужен.

Она посмотрела на корзину со скобами. Шесть дней. В донесении перечислялись спасённые, травмы, повреждения; распоряжения сохранить обломки к нему никто не приложил.

Снизу донёсся удар. Каль повернулся к лестнице.

— Что нельзя отложить до вечера? — спросила Ильма.

Каль посмотрел на неё с недоверием.

— Верхнюю удерживающую скобу. Если снова сорвёт, нижние подвалы зальёт. Сегодня пока держится на подпорках.

— Покажете инженеру. Без него ничего не снимать.

— А кто подпишет задержку?

— Я.

Он кивнул уже иначе.

* * *

Тарен Воск приехал с помощником и собственным фонарём. Городской плащ был ему короток; из-под него торчали штанины, заправленные в высокие сапоги. Он выслушал Каля, осмотрел подпорки и первым делом велел принести ещё две.

— Вы пока к стене, — сказал он Ильме.

Она посмотрела под ноги.

— Здесь тоже?

— Здесь прежде всего. Не под опорой.

Ильма отошла. Воск дождался, пока помощник отнесёт туда же ящик с инструментом, и продолжил осмотр.

Воск проверял дерево не ударом, а нажимом ладони. Прикладывал к соединениям тонкую металлическую линейку, наклонялся, смотрел вдоль неё. Один раз попросил рабочего переставить фонарь и ждал, пока тот найдёт нужный угол, не повышая голоса.

Когда подпорки закрепили, инженер повёл Ильму вниз.

На середине лестницы поперёк прохода стояла решётчатая створка. Она была поднята; на одном краю виднелась полоса высохшей тины, на другом — свежая царапина.

— Это закрывает воду? — спросила Ильма.

— Это закрывает людей. Вода проходит между прутьями. Створка отделяет старую камеру от служебного хода.

За решёткой находилась маленькая площадка. Дальше — чёрная вода и каменная стена. Справа, почти у пола, темнело отверстие бокового лаза.

— Как дети попали внутрь?

Каль показал на лаз.

— Через сухой отвод. Там вынимали мусор после осеннего сброса. Доски ограждения сняли. Я говорил, чтобы вернули.

— Кому?

— Сменщику. Письменно не говорил, если вы об этом.

Ильма записала.

— Откуда взялись дети?

— В тот день в верхнем дворе сушили парусину. Они запускали какую-то тряпку на палках. Улетела к отводу. Младший сам сказал, пока старшего откачивали.

Ильма представила путь: двор, отвод, незакрытый лаз. Чтобы попасть сюда, не требовалось ни ключа, ни тайного приглашения.

— Этот ход обычно сухой?

— Когда всё исправно, — ответил Воск.

Он поставил фонарь возле толстого рычага. Рукоять была обмотана истлевшей кожей; на сгибе сохранился тёмный мазок.

— А это нижний аварийный затвор. Закрывает подачу в камеру и открывает сброс. Одновременно снимает стопор со створки.

— Ребёнок мог его повернуть?

Инженер попробовал сдвинуть рукоять. Она не поддалась.

Каль нервно переступил с ноги на ногу.

— Я же говорил, он повернул.

— Сейчас система нагружена, — сказал Воск. — После срыва верхнего удержания противовес ушёл вниз. Он разгрузил тягу. Рычаг стал легче.

Он попросил помощника подержать фонарь, затем указал на длинную царапину вдоль паза.

— Вот след полного хода. Старое положение здесь, новое здесь. При обрыве тяги этого следа бы не было.

Ильма присела рядом. На камне под рукоятью лежал клочок кожи. Она попросила оставить его на месте до описания.

— Мальчик должен был находиться по эту сторону створки?

— Да. Рукоять внутри камеры.

— Снаружи её поднять можно?

Каль ответил раньше инженера:

— По нынешнему механизму — нет. У нас для этого ключ от верхнего привода. Но он давно не ходит. В камеру через лаз спускаемся. Створку не трогаем.

Воск провёл пальцами по старой бронзовой накладке возле стопора. На ней проступали неглубокие борозды, забитые известковым налётом.

— Эта часть старше всего остального. В городской схеме её нет.

— Зачем она нужна?

— Пока не скажу.

Ильма посмотрела на Каля.

— Вы замечали, чтобы механизм работал необычно?

Смотритель пожал плечами.

— Он сто лет стоит. Что здесь обычное?

* * *

Наверху Воск вынул из корзины сломанную удерживающую скобу. Каль сразу возразил:

— Это запасная. Та осталась в гнезде.

Инженер положил её обратно. Посмотрел на Ильму.

— Значит, хорошо, что не успели заменить.

Первоначальная скоба сидела глубоко в опоре. Рядом находилось пустое отверстие для предохранительного штыря. По краю металла шли две параллельные борозды.

Воск очистил их кистью, не соскребая налёт.

— Когда последний раз вынимали штырь?

— При летнем осмотре.

— Чем?

— Обычными клещами. Они в корзине.

Инженер приложил губки клещей к линейке, затем показал помощнику. Тот зарисовал расстояние.

— Здесь уже, — сказал Воск. — Другой инструмент.

Каль нахмурился.

— Может, брали чужие.

— Кто работал?

Смотритель назвал двоих. Ильма записала имена и спросила о посещениях в последние дни перед аварией.

Каль ответил не сразу.

— Из палаты приходили.

— Из какой?

— Хозяйственной. Или наследственной. Я не разбираю, кто из них за что платит.

— Зачем?

— Старые сооружения проверять. Сказал, что будут составлять опись коронного имущества.

— Показал удостоверение?

— Да.

— Вы записали номер?

Каль посмотрел на рабочих. Они стояли достаточно далеко, чтобы не слышать каждое слово, но достаточно близко, чтобы видеть его лицо.

— Нет.

— Что запомнили?

— Синяя кайма. Круглая печать. Весы, кажется. Я смотрел на подпись.

— Чья?

— Не разобрал.

Ильма закрыла книжку, оставив палец между страницами.

— Вы пустили его одного?

Каль потёр бороду.

— Мне нужно было принять уголь. Он остался наверху. Ненадолго.

— Сколько?

— Четверть часа. Может, больше.

Воск отвернулся к скобе. Это оказалось хуже любого замечания.

— Трое детей у меня, — сказал Каль. — До выслуги три года. Если вы напишете, будто я…

— Я запишу, что вы рассказали. Дайте книгу посещений.

Каль сходил в сторожку. Вернулся с тонким журналом, прижимая его к груди, чтобы не намок.

Посетитель действительно был записан за три дня до аварии. В графе цели стояло: «Осмотр верхнего удержания». Имя разбиралось плохо. Зато подпись Каля под ним была отчётливой.

Ильма попросила помощника Воска сделать копию страницы. Сам журнал убрала в пакет для передачи хранителю.

— Сегодня здесь останется стражник. Работы — только по перечню инженера. Повреждённые части не выбрасывать.

Каль посмотрел вниз, туда, где под решёткой шумела вода.

— А если он вернётся?

Ильма подняла глаза.

— Кто?

— С удостоверением. Скажет, что вы велели.

Она оторвала от чистого листа узкую полосу, написала своё имя и номер управления.

— Посылайте туда. Пока ответ не привезут, он ждёт снаружи.

Каль взял бумагу двумя пальцами и спрятал во внутренний карман, отдельно от ремонтной заявки.

* * *

Перед отъездом Ильма ещё раз посмотрела на лестницу, которую при ней вытянули из воды. Нижний конец был раздроблен. Внутри трещины застрял короткий металлический обломок.

Она позвала Воска.

Он присел, приблизил фонарь.

— Не вытаскивайте, — сказала Ильма.

— Я и не собираюсь.

Обломок был похож на конец штыря. На одном боку темнела ржавчина, другой блестел свежим сколом.

— Он мог попасть сюда при аварии? — спросила она.

— Мог. Или когда лестницу тащили. Надо сопоставлять повреждения.

Ильма позвала рабочего, который стоял в воде.

— Когда поднимали, этот конец чего-нибудь касался?

Он посмотрел на Каля.

— Стены. Потом повернули.

— Раньше повернули, — сказал Каль. — Я тебе ещё крикнул.

— Это уже второй раз.

Ильма раскрыла книжку. Первоначального положения она не видела: велела поднимать сразу, как заметила человека в воде.

— Покажите по очереди. Сначала вы.

Она кивнула рабочему и попросила помощника Воска зарисовать оба рассказа отдельно.

Пока помощник работал, Воск показал ей старый ремонтный план. На месте нижней камеры стоял прямоугольник без пояснения. Вокруг него проходила тонкая двойная линия, не похожая на условное обозначение водовода.

Внизу другой рукой было приписано: «Внутреннее устройство не изменять. Совместное хранение».

— Чьё? — спросила Ильма.

Инженер пожал плечами.

— Корона и храм. Здесь половина города кому-нибудь принадлежит дважды.

Она попросила снять копию плана.

Первое сообщение в управление было коротким: действие ребёнка привело к аварийному сбросу и открытию выхода; признаки повреждения верхнего удержания требуют отдельного исследования. Она дописала сведения о посетителе и передала пакет курьеру.

Ровену отправила другое письмо. В нём был один вопрос: сохранились ли у Церкви условия совместного хранения нижней камеры.

На этот раз ответ мог потребоваться раньше, чем городские рабочие закончат ремонт.

Глава 7. Право быть первым

На следующее утро Матеус Раль узнал о возвращении королевы за завтраком. Газетный лист принесли вместе с письмами; на первой странице сообщалось, что Мирелла подтвердила рождение сына.

Нел потянулся за маслёнкой и задел край листа рукавом.

— Осторожно, — сказал Матеус.

Мальчик замер, держа нож над хлебом.

— Я не испачкал.

— Вижу.

Тея посмотрела на отца поверх чашки.

— Теперь опять поедешь?

— Нужно встретиться с поверенным.

— Значит, поедешь.

Матеус сложил газету. На запястье дочери краснела полоса гусиной кожи. Шаль висела у неё за спиной, на стуле; он уже дважды просил накинуть её. Хотел сказать в третий раз и удержался.

— Ты можешь поехать со мной, — сказал он.

— Посидеть в чужой комнате, пока вы разговариваете?

— Пройтись по городу после.

— Ты в прошлый раз тоже так говорил.

Нел всё ещё держал нож.

Матеус заметил и подвинул ему хлеб.

— Мажь. Никто не сердится.

Мальчик положил на ломоть слишком много масла. Отец не стал поправлять.

После завтрака управляющий принёс расчёты. На содержание дома денег хватало до конца зимы. На ремонт северной крыши — нет. На выкуп заложенного луга — тем более. Кредитор соглашался продлить срок, если Матеус представит подтверждение принятия наследственного притязания к рассмотрению.

— Он даёт деньги под корону, которой у меня нет, — сказал Матеус.

— Под возможность, господин.

— А если возможности не будет?

Управляющий молчал. Ответ лежал перед ними в цифрах.

* * *

Эвран Коль встретил его в конторе возле Коронной палаты. В комнате было жарко. Поверенный снял сюртук и сидел в жилете, но клиенту велел закрыть дверь: в коридоре ждали другие.

— Прямого доказательства пока нет, — сказал он, выслушав Матеуса. — Королева подтвердила сына. Не вашу родословную.

— Я понимаю.

— Понимаете, но кредитору уже сообщили о заявлении?

Матеус расстегнул перчатки.

— Управляющий разговаривал с ним.

— По вашему поручению?

— По моему.

Коль подвинул к нему документ.

— Тогда прочитайте последнюю страницу ещё раз. Принятие заявления не означает признания происхождения. Если вы заложите имущество, рассчитывая на будущий титул, суд не вернёт вам деньги из сочувствия.

Матеус прочитал. Формулировки были знакомы. Он сам просил их сделать строже, когда ещё думал, что осторожность избавит его от дурного решения.

— Совет может избрать человека без доказанной крови? — спросил он.

— После установленного срока и отдельного голосования. Но тогда притязание по родству ничего вам не гарантирует. Земельные голоса будут считать иначе.

— Значит, им выгодно, чтобы мы не успели.

— Некоторым.

Коль достал вторую папку.

— Здесь ваш предок Арвель. Принят в дом Раль на воспитание. Здесь последующая запись, в которой он назван сыном главы дома. Между ними одиннадцать лет. Нам нужно объяснить, почему изменилось основание родства.

— Его могли признать.

— Могли. Найдите подтверждение.

Матеус посмотрел на аккуратные копии. Несколько лет назад эти бумаги казались ему прочным доказательством древности семьи. Теперь каждая требовала ещё одной, которой могло не оказаться.

— Сколько времени?

— До подачи полного перечня — девять дней.

Коль выдержал паузу.

— Есть предложение о содействии. Канцелярия временного правления готова оплатить независимое исследование документов. Всем допущенным заявителям на одинаковых условиях.

— И что взамен?

— Публичное обязательство не создавать вооружённые отряды, не объявлять себя государем до решения Совета и соблюдать временный порядок сбора налогов.

Матеус усмехнулся.

— У меня четыре человека в охране. Одному шестьдесят.

— Текст составлен не только для вас.

— А если я откажусь?

— Оплатите сами. И некоторые советники спросят почему.

Матеус взял предложение. В нём не было ни угрозы, ни обещания престола. Только расходы, сроки и обязательства, каждое из которых отдельно выглядело разумным.

— Я встречусь с ними, — сказал он.

* * *

Регент принял Матеуса в комнате без парадного кресла. На столе лежала карта северных дорог; один угол прижимала чашка с остывшим отваром. Возле окна стоял Ретан Корв, заместитель начальника канцелярии.

— У вас имение у Верхних Лоз? — спросил регент.

— Дом и два участка земли.

— Через них проходит казённая дорога?

— По границе.

— Весной её опять размыло. Подрядчик требует отсрочку. Вы бываете там?

— Был месяц назад. Отсрочка не поможет. Они положили настил поперёк стока.

Регент отметил что-то на карте и только после этого предложил сесть.

— Мне нужны дороги, налоги и гарнизоны, которые получают жалованье вовремя, господин Раль. Пока Совет выясняет, кто имеет право носить венец, всё это не прекращается.

— Я не собираюсь мешать сбору налогов.

— Сейчас — нет. А если завтра вам предложат поддержку за обещание отменить недоимки северных землевладельцев?

Матеус не ответил сразу.

Регент кивнул, словно именно такой паузы и ждал.

— Половина этих недоимок числится за людьми, которые будут голосовать, — сказал регент. — Вам придётся им отвечать.

— Что вы предлагаете отвечать?

— Что до решения Совета сбор останется прежним.

— Удобно. Они будут злиться на меня, а получите деньги вы.

Регент убрал чашку с карты. Под ней осталось влажное кольцо.

— Да. Если соберём.

Корв положил перед Матеусом проект обязательства.

— Исследование оплатит казна. Экспертов назначит палата. Вы сохраните право представить своё заключение.

— Кто распоряжается деньгами?

— Сивар Реннек ведёт расчёты по утверждённой смете. Решать происхождение он не будет.

Матеус прочитал условия. Потом вернулся к пункту о публичных выступлениях.

— Здесь «согласовывать заявления, способные повлиять на порядок наследования». Это может означать любой ответ на любой вопрос.

Корв наклонился.

— Формулировка защищает от преждевременных объявлений.

— Тогда так и напишите. Объявление себя государем. Не заявление о моей семье.

Регент протянул руку за листом. Прочитал спорную строку, зачеркнул несколько слов.

— Принимается. Копию подготовят заново.

Матеус подвинул лист обратно к Корву. Возле зачёркнутой строки регент поставил свою отметку.

— С этой поправкой я согласен, — сказал Матеус.

Он уже потянулся к перу, но Корв прикрыл чистый край ладонью.

— Подготовим новый экземпляр. И ещё один вопрос.

— У вас двое детей? — спросил Корв.

— Да.

— Их имена входят в поданное заявление. После признания обращения публичным они могут стать предметом интереса. Мы рекомендуем сменить охрану.

— Мои люди меня устраивают.

— Они умеют проверять посетителей? Сопровождать детей в городе? Отделять обычное любопытство от наблюдения?

Матеус вспомнил старого охранника, который вчера пустил во двор торговца тканями, потому что тот назвал имя покойной хозяйки.

— Кто командует предложенными людьми?

— Назначенный капитан. По вопросам безопасности.

— А кто решает, куда могут ходить мои дети?

Корв чуть заметно выпрямился.

— Вы. В пределах согласованного порядка.

Матеус посмотрел на регента.

— Этот порядок я хочу прочитать до приезда капитана.

— Прочтёте, — сказал регент. — И сможете отказаться. Но тогда письменно укажите, какие меры приняли сами. Если с детьми что-нибудь случится, никто не будет разбираться, достаточно ли любезно вам предлагали охрану.

* * *

Керен Вальт приехал вечером, один. Не стал входить в дом, пока управляющий не сверил письмо и личный знак. Это понравилось Матеусу.

У капитана были широкие плечи, коротко подстриженные волосы и белёсый след старого ожога возле уха. Он говорил негромко, не смотрел по сторонам без необходимости и снял перчатки перед тем, как взять предложенный договор.

— Четыре человека на смене, — сказал он. — Двое у входов, один на сопровождении, один свободный. Ночью порядок другой. Слуги остаются ваши.

— Детям не нужно знать всё это.

Керен поднял глаза.

— Основное нужно. Иначе будут обходить запреты там, где мы не ожидаем.

— Запреты ещё не согласованы.

— Значит, сначала согласуем.

В дверях появилась Тея. За ней выглядывал Нел.

Матеус подозвал их, представил капитана. Тея не подошла к столу.

— Вы будете ходить с нами?

— Иногда я, иногда мои люди.

— Даже в сад?

— Сначала посмотрю сад.

— А если там нет убийц?

— Тогда постараемся никому не мешать.

Нел вышел из-за сестры.

— У вас меч острый?

— Достаточно.

— Покажете?

— Нет.

Нел заглянул отцу в лицо. Матеус молчал. Тогда мальчик обошёл сестру и остановился возле капитанских сапог.

— А лошадь есть?

— Есть.

— Лошадь покажете?

Керен посмотрел на Матеуса. Тот кивнул.

— Когда закончим разговор.

Дети вышли. Капитан дождался, пока их шаги стихнут.

— В письме указано, что тревожных случаев пока не было. Это верно?

Матеус хотел согласиться. Затем вспомнил торговца.

— Один посетитель. Вчера. Спрашивал, когда дети бывают дома.

Керен отложил договор.

— С этого и начнём.

* * *

Поздно вечером Матеус подписал обязательство перед временным правлением. В изменённой строке говорилось только об отказе объявлять себя государем до решения Совета.

Договор об охране он оставил до утра. Керен согласился первую ночь провести у ворот с одним человеком, на условиях обычного караула, без права перемещать детей. Управляющий выделил им комнату возле конюшни.

Тея пришла, когда отец убирал документы.

— Капитан показал Нелу лошадь. Он теперь хочет такую же.

— Все хотят такую же, пока не нужно чистить стойло.

Она не улыбнулась.

— Мы теперь будем жить здесь всегда?

— Пока идёт рассмотрение.

— А потом?

Матеус посмотрел на окно. За стеклом двигался огонёк: Керен обходил двор с фонарём.

— Потом станет понятно.

— Тебе.

Он повернулся к дочери.

Тея держала в руках материнскую щётку для волос. Иногда носила её из комнаты в комнату и оставляла на чужом столе, будто мать могла вернуться и найти там свою вещь.

— Я не знаю, что тебе обещать, — сказал Матеус.

— Тогда не обещай.

Она положила щётку возле его бумаг.

— Просто завтра пообедай с нами. Здесь. Без поверенного.

Матеус кивнул.

После её ухода он развернул письмо кредитора. На продление долга требовалась одна копия: подтверждение, что его притязание принято к рассмотрению.

Эту копию утром можно было получить.

Глава 8. То, что можно показать

Ренн пришёл без лодки.

Бодан сразу это заметил. Остановился в передней, держа за спиной свою, и посмотрел на пустые руки друга.

— Мы её выбросили, — сказал Ренн.

Лиора наклонилась снять с него шарф.

— Она сломалась.

— Я сам выбросил.

Бодан сильнее сжал борт. Аннэра коснулась его плеча, но он вывернулся и пошёл в кухню. Ренн постоял, ожидая приглашения, затем двинулся следом.

Владен сидел возле печи и чистил яблоки. С утра собирался заняться крышей, но кровельщик отказался ждать расчёта и уехал к другому заказчику. Теперь в кладовой стояли два таза вместо одного.

— Хотите? — спросил он.

Ренн кивнул. Бодан покачал головой.

— Мы в комнату.

— Дверь оставьте открытой, — сказала Аннэра.

— Я знаю.

Бодан произнёс это громче, чем нужно. Ренн взял яблочную дольку, и они ушли.

Лиора смотрела им вслед.

— Он дома тоже такой, — сказала она.

Аннэра не стала уточнять, о ком из них речь. Проводила клиентку в кабинет. Владен остался на кухне; через стену было слышно, как мальчики двигают стулья.

Ренн сел на пол у ящика с солдатиками. Достал всадника без руки, рассмотрел.

— Ты приклеивал?

— Она опять отвалилась.

— Значит, плохо приклеивал.

Бодан поставил лодку на подоконник, кормой к комнате.

Ренн высыпал солдатиков. Начал расставлять вдоль половиц, затем убрал одного и поставил отдельно.

— Этот твой.

— Почему один?

— Он начальник.

Бодан сел напротив. Придвинул начальника к остальным. Ренн отодвинул.

— Так нельзя.

— Сам сказал, мой.

— Но они ещё не пришли.

Некоторое время они играли молча. Потом Бодан спросил:

— Тебе мама сказала?

— Что?

— Про королеву.

Ренн пожал плечами.

— Она спрашивала, помню ли я, как открылась решётка.

Бодан уставился на пол.

— А ты?

— Помню.

— Что сказал?

Ренн поставил всадника возле ножки стола.

— Что ты открыл.

— Я же тебя вытаскивал.

— Я знаю.

Бодан взял начальника и с силой вдавил в щель между досками. Фигурка наклонилась.

— Тогда зачем говоришь?

Ренн посмотрел на него.

— А что надо говорить?

В дверях появился Владен. Мальчики одновременно замолчали. Он поставил тарелку с яблоками на низкий столик.

— Здесь оставлю.

Бодан ждал, что отец останется. Владен выпрямился, придержал поясницу и вышел. Дверь не закрыл.

Ренн взял дольку. Пожевал, глядя на солдатиков.

— Ты маме сказал про парусину?

Бодан резко поднял голову.

— Нет.

— Я тоже.

На верхнем дворе сушили большие полотнища. Ренн сказал, что из обрезка получится настоящий воздушный змей. Обрезка не было. Был край большого полотна, нож Бодана, который он взял без спроса, и узкая полоса ткани, отрезанная неровно, потому что Ренн дёрнул слишком рано.

Змей летал плохо. Потом ветер подхватил его и понёс к нижнему отводу. Они побежали следом.

Бодан помнил, как было весело пролезть туда, где взрослому пришлось бы сгибаться. Там пахло мокрым камнем, а Ренн светил огарком, который нашёл возле оставленной рабочими корзины.

Потом стало темно.

— Это ты сказал лезть, — произнёс Бодан.

Ренн перестал жевать.

— А нож твой.

— Но сказал ты.

— Ну и что?

— Ничего.

Ренн положил недоеденное яблоко на тарелку. Взял всадника, потом зачем-то вернул его в ящик.

— Я бы сам вылез.

Бодан посмотрел на него.

— Ты не мог.

— Мог.

— Ты лежал.

Ренн сжал губы. На подбородке дрогнула маленькая мышца.

Бодан отвернулся к окну. Ему хотелось, чтобы друг ушёл. И чтобы никуда не уходил, потому что тогда они опять не увидятся неизвестно сколько дней.

— Можно заново, — сказал он наконец.

Ренн молчал.

Бодан вытащил начальника из щели и поставил возле остальных солдатиков.

— Теперь они пришли.

Ренн осторожно передвинул своего всадника навстречу.

* * *

В кабинете Лиора развернула старую бумагу на подложке. По левому краю шли отверстия от шнура; в одном сохранилась короткая жёсткая нить.

— Вы говорили, сравнить знак можно по копии, — сказала она.

Аннэра подвинула лампу.

— Можно начать с копии. Но если рисунок совпадёт, потребуется оригинал.

На воске виднелись три листа. Верхний был длиннее двух боковых. Ниже проходила тонкая черта, похожая на трещину, но повторённая в чернильном описании на обороте.

Вчера вечером Аннэра получила разрешённую выписку из свидетельства Мирелы. Имя ребёнка, возраст, хранительница, знак. Сведения, которые можно было передать заявителям без последних слов о Бодане.

Сходство было слишком значительным, чтобы оставить его в ящике.

— Я не хочу, чтобы Ренна начали проверять из-за Бодана, — сказала Лиора.

— Поэтому мы подадим через наследственную палату. Отдельно от происшествия.

— Люди-то те же.

Аннэра посмотрела на неё.

— Не все.

— Но достаточно одного.

Она была права. Аннэра взяла чистый лист и начала перечислять, что следует убрать из копии: имя Лиоры, имена её матери и бабушки, нынешний адрес, имя Ренна. Оставить сам древний знак, текст первоначального свидетельства и сведения о том, откуда получена копия.

— Здесь тоже фамилия, — сказала Лиора, показывая на нижнюю строку.

— Это номер позднейшего удостоверения. Без него копию не свяжут с оригиналом.

— А по номеру можно узнать нас?

Аннэра задумалась. Удостоверение находилось в закрытом семейном деле. Доступ к нему требовал отдельного разрешения. Но номер принадлежал старой системе регистрации имущественных актов; часть указателей хранилась в общей описи.

— Сам текст закрыт. Я укажу, что сведения используются только для сравнения знака.

— Я спрашиваю, найдут ли по нему нас.

Аннэра задержала перо над листом.

— Без отдельного разрешения им не должны предоставить семейное дело.

Лиора убрала руку с бумаги. Вопрос остался без ответа. Аннэра знала это, но продолжила выводить перечень изъятий: сначала имя клиентки, затем нынешний адрес. Из соседней комнаты донёсся голос Бодана. Она нажала сильнее, и перо зацепилось за бумагу.

— Можно подождать отдельного разрешения на полностью закрытую передачу, — сказала она.

— Сколько?

— Несколько дней. Может быть, неделю.

Лиора посмотрела на бумагу.

— А если за эту неделю кто-нибудь ещё подаст такой знак?

Аннэра не стала обещать, что этого не произойдёт.

Они составили ограниченное поручение. Разрешалось передать копию для предварительного сравнения, без имён живых потомков и без заявления от имени Ренна. Лиора прочитала каждую строку. Внизу, рядом с подписью, попросила дописать: «О дальнейших запросах уведомить до предоставления сведений».

Аннэра дописала.

Когда клиентка отвернулась к окну, она ещё раз посмотрела на регистрационный номер. Можно было исключить его и объяснять происхождение копии отдельно. Это стоило бы времени. Она оставила номер.

* * *

Владен услышал часть разговора мальчиков, пока стоял у печи. Про нож, парусину, лаз. Не подошёл. Дождался, когда Лиора позвала Ренна домой, и помог найти потерянную рукавицу.

У двери мальчики не обнялись. Ренн спросил, можно ли в следующий раз взять солдатиков на улицу. Бодан сказал, что после дождя они заржавеют, хотя солдатики были деревянными. Оба рассмеялись слишком громко.

Когда гости ушли, Владен попросил сына показать нож.

Бодан застыл.

— Какой?

— Тот, которым резали парусину.

Сын медленно опустил глаза.

Нож лежал под матрасом, завёрнутый в носок. Лезвие потемнело от воды. Владен развернул его на столе, не касаясь пальцами кромки.

— Ты слушал?

— Слышал из кухни.

— Мы не тебе говорили.

Владен посмотрел на сына. Тот стоял босой на холодном полу, поджимая пальцы.

— Надень носки. Потом расскажешь, где взял ткань.

Бодан ушёл в комнату. Возвращался долго.

Он рассказал про верхний двор и про змея. Владен не просил повторять, как поднималась вода. Когда сын остановился у этого места, сказал, что достаточно.

— Нас посадят за ткань?

— За ткань придётся заплатить.

— У меня есть.

Бодан полез в карман и высыпал на стол три медные монеты, стеклянный шарик и обломок пуговицы.

Владен отделил монеты от остального.

— Сначала узнаем, сколько стоит.

— Ренна не говори.

— Я не стану придумывать, что ты был один.

Бодан сгрёб шарик и пуговицу обратно. Монеты оставил.

Вечером Владен написал Ильме. Указал, что услышал разговор случайно, перечислил вопросы, которые задал сам, и отдельно записал слова сына. Нож завернул в чистую ткань, пометил место хранения. До ответа следователя больше его не трогал.

Аннэра прочитала письмо перед отправкой.

— Ты мог позвать меня.

— Он уже начал рассказывать.

— Мог позвать.

Владен кивнул. Она отложила лист, ничего не добавив.

На столе остались три медные монеты. Когда пора было гасить лампу, ни один из родителей не убрал их.

Глава 9. След на кости

Сарен Тисс попросил убрать венец.

Хранитель дворцовых древностей Берен Таль посмотрел на него с недоумением.

— Он не принадлежал Мирелле. Это предмет погребального сопровождения.

— Тем более.

Венец лежал на соседнем столе, рядом с описью. Эксперт не хотел видеть его краем глаза во время работы. Ильма поняла это без объяснения и попросила перенести остальные вещи в другую комнату.

Теперь на столе остались кости, инструменты и три лампы.

До возвращения Сарен проверял соответствие останков первоначальным описям. Тогда от него требовалось ответить, можно ли допустить их к обряду. Сегодня вопрос был другой.

Он медленно повернул череп на мягкой подставке.

— Есть старое повреждение. Зажившее. Вот здесь.

Ильма наклонилась.

— Его могли принять за смертельное?

— Не при внимательном осмотре. Нас интересует другое.

Он показал вдавленный участок ближе к основанию. Край трещины расходился под углом, затем терялся возле утраченного фрагмента.

— Повреждение получено, когда кость сохраняла свойства живой. По форме допустим удар узким твёрдым предметом или падение на выступ. Падение на ровный камень объясняет его хуже.

— Булава? Рукоять?

Сарен поднял глаза.

— Начнём с размеров. Названия потом.

Ильма отступила, давая ему место. На часах у двери прошла почти четверть часа, пока он измерял края и зарисовывал их. Она удержалась от новых вопросов.

— Говорить после такого могла?

— Да.

— Долго?

Сарен повернул подставку к свету. Ильма подождала, пока он закончит измерение.

— Вот этой части нет, — сказал он, указав тупым концом циркуля. — И тканей нет. Слово «долго» вам придётся получить у другого свидетеля.

— Она звала лекаря. Если бы его впустили…

— Вы хотите, чтобы я сказал: выжила бы?

Ильма посмотрела в книжку. «Отказ в помощи» она записала ещё до осмотра.

— Хочу знать, могла ли.

— Тогда оставьте вопрос открытым.

Она не зачеркнула запись, но перестала писать под ней. Попросила слепок сохранившегося участка и рисунок с обозначением утрат. Сарен взял чистый лист; пустое место на нём занимало почти столько же, сколько повреждение.

* * *

Берен ждал за дверью с двумя папками. Одну держал под мышкой, другую — перед собой, как поднос.

— Здесь сохранившаяся опись малой читальни. Вторая — позднейшие перемещения предметов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.